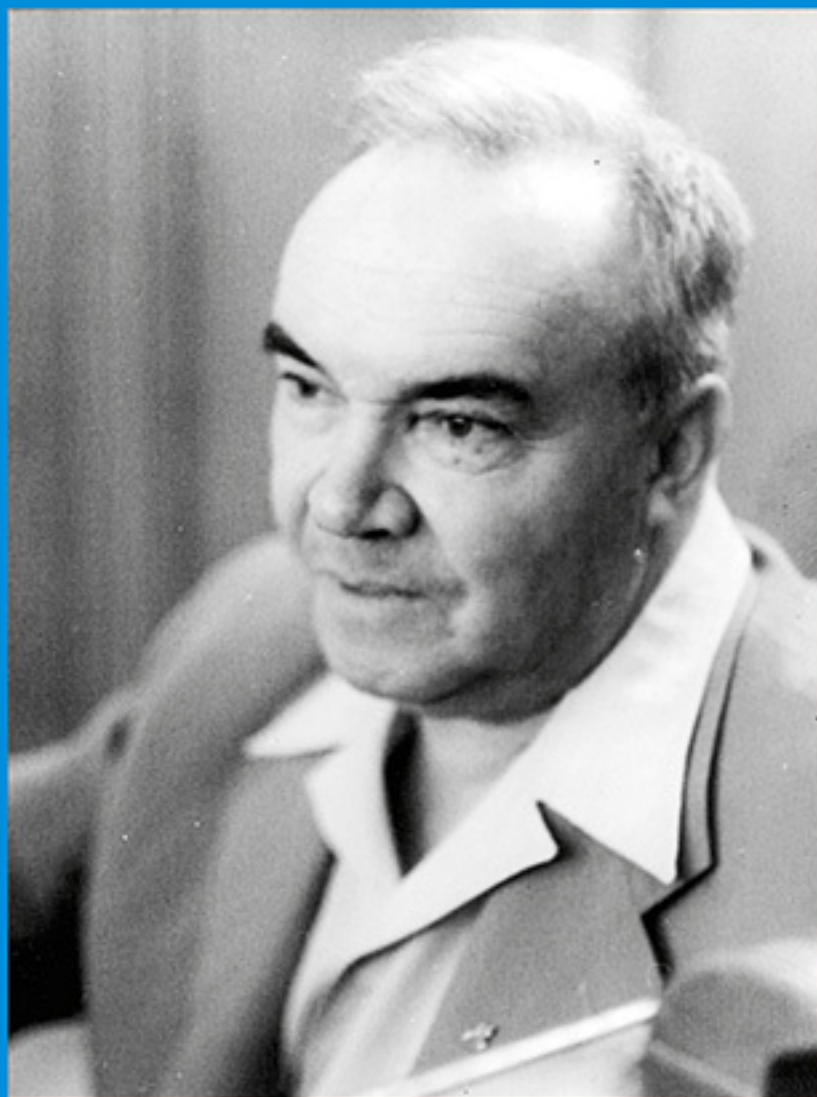


А.А. Формозов



**Александр
Николаевич
ФОРМОЗОВ**

Жизнь русского натуралиста

Москва 2006

Александр Формозов

**Александр Николаевич Формозов.
Жизнь русского натуралиста**

«Товарищество научных изданий КМК»

2006

УДК 574
ББК (Б) 20.1

Формозов А. А.

Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста /
А. А. Формозов — «Товарищество научных изданий КМК», 2006

ISBN 5-87317-331-7

В книге рассказано о жизни известного русского ученого-эколога и зоогеографа, профессора Московского университета Александра Николаевича Формозова (1899–1973). Он был писателем и художником-анималистом, автором выдержавших ряд изданий и до сих пор популярных книг «Шесть дней в лесах», «Спутник следопыта» и др.

УДК 574
ББК (Б) 20.1

ISBN 5-87317-331-7

© Формозов А. А., 2006
© Товарищество научных изданий
КМК, 2006

Содержание

От автора	6
Истоки. Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899–1917)	9
Трудные перепутья (1917–1920)	28
Студенческие годы (1920–1925)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Формозов
Александр Николаевич Формозов.
Жизнь русского натуралиста

© А.А. Формозов, текст. иллюстрации, 2006

© Т-во научных изданий КМК, издание, 2006

От автора

В 1980 году в научно-биографической серии издательства “Наука” вышла моя книга “Александр Николаевич Формозов”. История ее такова. То, что среди людей, встретившихся мне на жизненном пути, мой отец был одной из самых интересных и ярких личностей, стало для меня ясно достаточно рано. Еще в 1965 году с рассказа о нем я начал свои “Записки русского археолога”. После смерти отца я принимал участие в разборке его архива, подготовке к печати его неопубликованных работ, читал очерки о нем, написанные коллегами и учениками. Там не все было точно, приходилось проверять и исправлять и даты, и факты. Тогда и возникла мысль о подробной биографии А.Н. Формозова.

Думала об этом и вторая жена Александра Николаевича – Варвара Ивановна Осмоловская. Она собрала его письма, посланные ей и другим адресатам, составила хронику его жизни за 1949-1973 годы. Студентка Биофака Горьковского университета Е.М. Абрашневая, готовя дипломную работу “Нижегородский период жизни и деятельности А.Н. Формозова”, разыскала в областном архиве ряд интересных документов. Для истории нашего рода много дали мне разговоры с дядей отца Иваном Елпидифоровичем, чтение начатых им мемуаров (после его смерти рукопись поступила в Музей истории здравоохранения Тверской губернии – Калининской области в городе Твери).

Все это помогло мне написать биографию. Помимо публикаций, отмеченных в примечаниях, основными источниками для меня служили архив отца, в особенности его дневники, письма к моей матери, хранящиеся у меня, письма, собранные В.И. Осмоловской, и составленная ею хроника. Рукопись я показал всем членам семьи и нескольким зоологам – А.Г. Воронovu, Д.М. Вяжлинскому, Л.Г. Динесману, Т.Н. Дунаевой, С.В. Кирикову, А.А. Кирпичникову, А.А. Насимовичу, П.М. Рафесу, К.С. Ходашовой. Они кое-что уточнили и дополнили.

И вот книгу напечатали. Она быстро разошлась. Я услышал немало добрых слов от знакомых и незнакомых читателей. И все же я хочу вновь к ней вернуться, дать второй более полный ее вариант. Когда я только принимался за дело, я мечтал нарисовать предельно правдивый, реальный и рельефный портрет. Для этого, как я убежден, надо пользоваться всеми красками, а не одной розовой, передавать на полотне и свет, и тени. Бальзак в изображении Цвейга в каких-то отношениях человек смешной, нелепый, чуть ли не глупый, но эти живые штрихи нисколько не мешают нам увидеть в герое великого писателя, глубокого знатока людей и своей эпохи. Конечно, подобный прием доступен только художникам ранга Стефана Цвейга, а мои неискусные попытки тем же результатом не увенчались. Где-то я сам пугался и замолкал, а какие-то мои рассуждения вызвали протест у первых читателей. “Прямой упрек отцу!” – писала на полях Т.Н. Дунаева. “По моему, Вы его иногда обижаете, смотря на него с иронией”, – сказал мне Э.М. Мурзаев.

Действительно тут нужен особый такт. “Сотри случайные черты”, – учил нас Блок. Случайного и наносного в каждом человеке достаточно, и чтобы оно не заслоняло главного, не только можно, но и должно о чем-то промолчать, ни на минуту не забывая о доминанте. Это верно, но, когда, у какой черты биографу следует остановиться, решить отнюдь не просто.

Сплюшь и рядом люди предпочитают красивую легенду, житие, панегирик неприкрашенному повествованию о реальной трудной жизни, жизни, не дающейся легко никому, а уж в наше время тем более. Варвара Ивановна возражала против названия последней главы – “Закат”. – Не было никакого заката, раз Александр Николаевич до конца работал! – Да, но работают по-разному. В жизни отца были годы расцвета – тридцатые и сороковые – и годы спада – пятидесятые и шестидесятые. Это не было связано с тем, что в первый период он был женат на одной, а во второй – на другой. Но Варваре Ивановне казалось, что я принизил достижения отца в последние десятилетия его жизни, и сперва мое сочинение ей явно не понравилось.

Поэтому, прежде чем предложить книгу издателям, я снял не один кусок текста. У редакторов установка на житие, разумеется, господствует, и рукопись подверглась новой правке в том же направлении. – Зачем писать о трудностях быта, о коммунальных квартирах? Вычеркнем это.

С той же установкой связана вторая угроза для рукописей, еще более страшная. Нельзя создать портрет современника революций, войн, социальных катаклизмов, умалчивая о том, как он воспринимал эти события, когда они непосредственно совершались, о том, как они отражались на его жизни. В издательстве, запуганном Комитетом по делам печати, Главлитом, райкомом, ЦК, такие моменты год от года вызывали все большее беспокойство. В ход пускалась привычная демагогия о “малой” и “большой правде”, эту “малую” отменяющей. Пусть человек когда-то голодал, был откуда-то уволен, говорить об этом не надо.

Я заранее знал, что особенно сложно будет провести через издательские препоны раздел о лысенковщине, но не мыслил себе жизнеописание отца без этого раздела. Ведь в его судьбе она сыграла огромную роль. Меж тем в вышедшей в 1980 году брошюре П.А. Генкеля о Д.А. Сабинине, покончившем с собой после триумфа Лысенко, последний не назван ни разу, а слова “трагическая гибель” затеряны где-то в середине и не пояснены.

Предвидя неминуемые конфликты с разнообразными контролирующими инстанциями, и по собственному разумению, и по советам своего научного редактора А.А. Насимовича я сделал в рукописи значительные купюры, чтобы биться за оставшееся до конца. Увы, все получилось куда хуже, чем я ожидал. Контрольный редактор Е.И. Володина (о ее редакторском произволе недавно писала по собственному опыту М.О. Чудакова) сигнализировала наверх, что в ее руки попало очень вредное сочинение. Срочно приняли меры. Пропала вся лысенковская эпопея. Изрезали главу о Гражданской войне, хотя там, вроде бы, ничего предосудительного не было. Сократили рассказы об охоте, ибо “надо беречь зверей” и т. д. В целом выпало не менее двух печатных листов, а самое печальное – эти изъятия разрушили концепцию, положенную в основу книги.

Итак, книга вышла с очень большими купюрами, в чем повинны и я, и другие. В новом варианте я восстановил пропущенное и добавил материалы, полученные после сдачи рукописи в печать.

Главная трудность для меня как автора та, что я – не биолог – рискую говорить о биологе. Смысл жизни для отца заключался в общении с природой, попытках разгадать ее тайны, защитить ее от грубого вмешательства человека, привить людям любовь к ней. Я – гуманитарий – от всего этого далек и, следовательно, не смогу до конца раскрыть что-то очень существенное в деятельности своего героя. Поэтому я широко цитирую оценки, данные его начинаниям в специальной литературе.

Но возможен и иной подход к теме. Характеристики Формозова-натуралиста уже есть, остались и его собственные книги и статьи, научные и популярные, так что эта сторона дела более или менее освещена. Я же попробую взглянуть на отца глазами историка, видя в нем человека определенной эпохи, своеобразный тип русского ученого, рассмотрю его жизненный путь на фоне развития нашего общества и отечественной науки в первые три четверти XX века. Как будто, именно такое построение биографии одного из наших современников, не везде заметное после хождения рукописи по мукам, и вызвало интерес у читателей, и хотя угодил я не всем (“видно, что писал не зоолог”, – сетовал В.В. Кучерук), ничего иного предложить не могу.

И последнее: вчитываясь в работы отца и статьи о нем его коллег, я, кажется, понял к чему сводятся его мысли, наблюдения, наброски на будущее. Но сопоставить его идеи и открытия с тем, что делалось до него и одновременно с ним в русской и мировой науке, я не в состоянии. Не беру на себя смелость указать в чем он был совершенно оригинален и поднимал целину, а в чем шел за другими, подхватывая и развивая уже найденное.

В опубликованной в 1980 году посмертной книге Г.А. Новикова “Очерк истории экологии животных” Формозову отведено весьма почетное, но все же не центральное место. Центральное – занимает учитель Новикова Д.Н. Кашкаров. Мой отец относился к его трудам очень прохладно. В последующих главах Новиков не раз говорит о Н.П. Наумове. В тридцатых годах Николай Павлович работал с Александром Николаевичем, в какой-то мере был его учеником; в дальнейшем же дороги их разошлись. Теоретические обобщения в учебниках и монографиях Наумова отец всерьез не принимал. Был ли он прав в том и в другом случае, судить не мне. Все мы склонны переоценивать то, что совершили сами и недооценивать достижения окружающих. Создателя своего оригинального направления в науке это касается еще в большей мере.

В Лондоне напечатано в 1978 году руководство американца Уильяма Пруитта “Бореальная экология” и там А.Н. Формозов назван “великим русским натуралистом”¹. А.А. Насимович сообщил мне об этом еще до выхода моей книги. Привести столь лестные слова, конечно, хотелось, но я воздержался. Пруитт знал отца лично, увлекался его исследованиями и легко мог впасть в преувеличения. Когда в 1999 году отмечалось столетие А.Н. Формозова, “великим” его называли не раз.

Вопрос о масштабе Формозова как ученого пусть решают его коллеги-биологи. Был он “великим” или нет, для меня не так важно. Любой незаурядный человек заслуживает того, чтобы о его судьбе рассказали подробно и без всяких экивоков.

¹ Насимович А.А. Рец.: W.O. Pruitt. Boreal Ecology. 1978. // Экология. 1979, № 3, с. 107.

Истоки. Предки. Юность в Нижнем Новгороде (1899–1917)

Меня и отца нередко спрашивали о происхождении нашей фамилии. Предлагали переменить ее на Тайванов. К китайскому острову отношения она не имеет. Formosus значит по латыни стройный, изящный, красивый, прекрасный. Видимо, какой-то наш предок отличался привлекательной наружностью, а может быть, хорошо учился, кончал же духовное училище, где при выпуске его и наградили такой фамилией.

Когда она возникла? Скорее всего в первой половине XIX века. В № 9 “Нижегородских епархиальных ведомостей” за 1873 год (стр. 212) сообщается о выдаче в 1872 году диакону Николаю Формозову пособия за службу свыше 25 лет. Следовательно, начал её он не позже 1847 года. Должно быть, это прадед Александра Николаевича. Со слов Ивана Елпидифоровича Формозова – внука этого диакона и дяди отца – я знаю отчество Николая – Епифанович. Носил ли Епифан фамилию Формозов, неизвестно. У духовенства до середины XIX века могло быть и иначе. Другой мой прапрадед Иов Авситидийский был сыном протоиерея Григория Пальмова.

Думаю, что наша фамилия появилась в 1820-х годах, когда после указов Александра I 1808 и 1814 годов об обязательном образовании духовенства кто-то из сыновей сельского причетника должен был пройти курс наук, вероятно, в Нижнем Новгороде. К концу столетия семья уже разрослась: в 1890 году в нижегородских духовных училищах числилось сразу три Николая Формозовых, очевидно, родственники, но не более близкие, чем двоюродные братья.

Просмотрев комплекты “Нижегородских епархиальных ведомостей” за 1864–1905 годы и сменившего этот журнал губернского “Церковно-общественного вестника” за 1906–1918 годы, я нашел упоминания 34 Формозовых. Можно установить, где они учились, какие отметки получали при переходе с курса на курс, куда их назначали по окончании, как перемещали из прихода в приход, чем награждали за службу. Сведений много, но, кто кому приходится отцом, сыном, братом, племянником, понять невозможно. Словно имеешь дело со списками египетских фараонов, а не с источниками столетней давности.

Все же улавливаются и какие-то живые черточки. Вот один из Николаев Формозовых (не диакон). После обучения в Лысковском духовном училище и в Нижегородской семинарии, удостоившись в 1890 году звания “студента семинарии”, он был назначен священником в село Чиресь Лукояновского уезда, но вскоре перевелся в село Костянку Арзамасского уезда. Там прослужил 25 лет и лишь в 1916 году перешел в село Волчиху того же уезда. Он зарекомендовал себя как миссионер, вел беседы с раскольниками, состоял в братстве святого Креста, в 1911 году напечатал в “Нижегородском Церковно-Общественном Вестнике” статью “Торжественное открытие и освящение памятника императору Александру II в с. Костянке Арзамасского уезда”. Отца Николая многократно награждали: в 1899 году – набедренником, в 1903 – скуфьею, в 1912 – камилавкой, в 1917 – наперстным крестом². Это благополучная биография деятельного и честлюбивого человека. Были у него и беспутные родственники. Таков Сергей Формозов. В 1901 году этот послушник Печорского монастыря получил место псаломщика в селе Масловском Васильского уезда, оттуда в 1902 – переведен в село Канерги Ардатовского уезда, оттуда в 1908 – в село Языково, оттуда в 1906 – в село Силево, а в 1910 – из села Иванцева в село Неверово. В 1911 – за самовольные отлучки из прихода его отрешили от места. Потом он как-то устроился, но в 1915 году “имеющий дела псаломщика села Смирнова Сер-

² НЕВ, 1880, № 15, с. 345; 1881, № 15, с. 357; 1882, № 14, с. 324; 1884, № 15, с. 301; 1885, № 14, с. 273; 1886, № 13, с. 15; 1887, № 13, с. 324; 1888, № 14, с. 273; 1889, № 13, с. 391; 1890, № 13, с. 302, № 22, с. 526; 1891, № 3, с. 91; 1894, № 13, с. 191, 193; 1895, № 12, с. 228; 1896, № 12, с. 325; 1899, № 8, с. 118; 1900, с. 28 приложений; 1903, № 11, с. 214. НЦОВ, 1911, № 50, с. 1284–1286; 1912, № 20, с. 464; 1916, № 4, с. 73; 1917, № 24, с. 323.

гачского уезда Сергей Формозов уволен за неисправность по должности, непочтение и непослушание священнику”³.

Из этой-то среды мелкого сельского духовенства и происходили предки Александра Николаевича. А.А. Насимович, много сделавший для увековечивания его памяти, писал, что он “родился... в очень культурной семье”⁴. Эта лестная характеристика неверна. Я назвал бы семью родителей отца хорошей, трудовой, разночинческой, но путь к культуре она только прокладывала. Первые Формозовы по культурному уровню вряд ли возвышались над своей паствой, деревенской или городской. Из истории приходского духовенства в России известно, что пополнялось оно в основном крестьянскими детьми, стремившимися таким путем избавиться от податей. Длительное время должности были наследственными: сыновья священников становились священниками, сыновья причетников – причетниками. Требования в духовных училищах были низкими. В 1724 году при Питириме Нижегородском из присланных на ученье 427 юношей, 132, едва освоив букварь, были отправлены на места священниками и диаконами⁵. На фотографии 1879 года, запечатлевшей диакона Николая с женой, Ольгу Ивановну вполне можно принять и за крестьянку и за купчиху, Иван Елпидифорович рассказывал, что в подпитии его дед плакал и обвинял жену в изменах, “Елпишку” она родила будто бы от татарского князя.

Старшее поколение Формозовых оканчивало, видимо, лишь низшие духовные училища, не поднимаясь до семинарии. Но “Елпишка” туда все таки попал, проучившись в Нижнем Новгороде четыре года – 1860–1864. На дальнейшее средств не хватило – надо было справиться приданое сестре Анфисе. Елпидифор поступил диаконом в Николаевский женский монастырь в Арзамасе, а потом был священником в селах Ризадееве и Круглые паны. Диякон Николай обладал мощным басом и за это столь ценился, что даже получил приглашение переехать в Нижний Новгород. У его сына был жиденький тенор, и прихожане обычно оставались им недовольны. В конце концов он обосновался в городе Арзамасе в качестве священника Тихвинской кладбищенской церкви. Здесь он женился на дочери настоятеля Изосимовской церкви Иова Авситидийского Анастасии (1846–1927). У них родилось десять детей, семеро умерли в младенчестве, а выжили Николай (родился 7 января 1871 года), Софья (1877–1958) и Иван (1879–1977).

В “Нижегородских епархиальных ведомостях” отец Елпидифор фигурирует как депутат епархиального съезда и Арзамасского училищного округа, участник Арзамасского училищного съезда, член братства святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода⁶.

Иван Елпидифорович вспоминал об отце как об убежденном борце с раскольниками (на них во времена Победоносцева вновь начались гонения), тяжелом, мрачном человеке. Он сильно пил, бил жену, не раз выгонял ее из дома, так что, повествуя о своей жизни, она говорила “до первой выгонки”, “после третьей”. Умер Елпидифор сорока лет в ноябре 1886 года от нарыва в горле.

Семейные раздоры мучили детей. Николай старался почаще уходить на охоту, целые дни бродил с ружьем в окрестностях Арзамаса. По счастью, братья матери были люди совсем другого рода. После смерти шурина они приняли на себя заботу о племянниках и много сделали для их воспитания.

³ НЕВ, 1901, № 2, с. 33; 1902, № 24, с. 681; 1903, № 19, с. 416; НЦОВ, 1906, № 16, с. 450; 1910, № 9, с. 223; 1911, № 51, с. 1298; 1915, № 34, с. 837.

⁴ Насимович А.А. Памяти Александра Николаевича Формозова. // БМОИП, т. 80, № 1, 1976, с. 5.

⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. Он же. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881, с. 97.

⁶ НЕВ. 1865, № 5, с. 16; 1882, № 19, с. 433; 1883, № 2, с. 66, № 6, с. 129; № 18, с. 434; 1884, № 19, с. 397; 1885, № 5, с. 81; № 9, с. 170; № 12, с. 220.

В 1869 году к серии указов, отмечавших либеральный курс Александра II, добавился указ об освобождении детей духовенства от обязанности продолжать службу родителей. И раньше некоторые выпускники семинарий стремились избежать посвящения в сан и выбирали другие пути. Теперь среда разночинцев разрасталась особенно быстро за счет священнических и дьячковских детей. Все сыновья Иова Авситидийского не пошли по стопам отца. Сергей стал доктором медицины, статским советником. Перед революцией был корпусным врачом в Киеве, до того – дивизионным в Харькове и Херсоне. Иван – тоже медик и действительный статский советник – в 1916 году заведовал врачебной частью Сиротского института имени Николая I и был членом Елизаветинской больницы⁷. Иван Елпидифорович говорил мне, что был он и приват-доцентом Московского университета. Павел получил лесотехническое образование в Польше и возглавлял лесничество в Лыскове. В 1897 году он основал двухгодичную школу “лесных кондукторов” – т. е. объездчиков. Усть-Керженская школа – одна из тридцати в России – пользовалась хорошей репутацией.

К этим-то людям и тянулся молодой Николай Формозов. Он часто проводил каникулы на Керженце у дяди Павла, и труд лесничего или ученого казался ему неизмеримо более привлекательным, чем жизнь пьяницы-попа в уездном городишке.

После пребывания в Арзамасском духовном училище (1881-1887) Николая послали в Нижегородскую семинарию. Занимался он всюду очень неровно: из 1-го во 2-й и из 2-го в 3-й класс училища переходил по II разряду, в 3-м классе остался на второй год, затем выправился, кончил 3-й класс по I разряду, а дальше опять распустился и завершил начальное обучение по III разряду. То же и в семинарии: на 1-м курсе – I разряд, на 2-м и 3-м – II, на 4-м остался на второй год по болезни, на 5-м и 6-м переходил по I разряду и в 1895 году выпущен по I разряду со званием студента семинарии⁸.

Пройдя такую школу, Николай Елпидифорович был, разумеется, человеком вполне грамотным. В его письмах к сыну много латинских изречений, цитаты из Пушкина, Гоголя, Горького. Он владел и древнегреческим (Иван Елпидифорович до конца дней не забыл, как брат хорошо подготовил его по этому языку в 1890 году в лесничестве для переэкзаменовки в семинарии), но знаний, необходимых в практической жизни, вынесено было мало, естественные науки будущим батюшкам не преподавали.

Отказавшись от духовной карьеры, Николай Елпидифорович вынужден был сразу же искать службу, чтобы прокормить себя, мать, брата, сестру и собственную вскоре возникшую семью. Сперва он работал по всероссийской переписи 1897 года и переписал родной Арзамас, потом устроился там в конторе винного завода, но через короткое время переехал в Нижний Новгород. Начал службу он делопроизводителем Врачебного отделения губернского правления в чине коллежского регистратора. В 1901 году стал губернским секретарем, в 1904 – коллежским секретарем. В 1905 году вынужден был уйти в отставку (о чем ниже). С 1909 года он столоначальник Казенной палаты, в 1910 году – титулярный советник, в 1911 – награжден орденом Станислава третьей степени, в 1912 – произведен в коллежские асессоры, в 1913 – получил “светло-бронзовую медаль в память 300-летия дома Романовых” и к 1916 году дослу-

⁷ Данные “Российского медицинского списка, изданного Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1916 год”. Впервые С.И. Авситидийский упомянут в этом списке в 1881 году (с. 2.), а И.И. Авситидийский в 1887 (с. 3). Их труды; С.И. Авситидийский. Материалы к вопросу о азотообмене и кожно-легочных потерях при растительной диете. Диссертация на доктора медицины. СПб, 1899. И.И. Авситидийский. Случай сужения просвета толстой кишки. М., 1885. Он же. К казуистике врожденных уродств. М., 1885. Он же. О *Stenochondritis epiphysaria syphilitica* Wagneri в связи с клиническими проявлениями ее. М., 1891. Он же. К вопросу о трепанации сосцевидного отростка височной кости. СПб, 1891. Он же. К вопросу о шве мочевого пузыря при высоком камнесечении. М., 1896. Он же. Холера и меры борьбы с нею. М., 1905.

⁸ НЕВ, 1882, № 15, с. 354; 1883, № 14, с. 320; 1884, № 14, с. 290; 1885, № 14, с. 279; 1886, № 15, с. 8; 1887, № 14, с. 350; 1888, № 15, с. 368; 1889, № 13, с. 397; 1890, № 13, с. 309; 1891, № 13, с. 370; 1892, № 13, с. 352; 1893, № 13, с. 271; 1894, № 13, с. 201; 1895, № 13, с. 238.

жился до чина надворного советника т. е. приобрел права потомственного почетного гражданина. Его годовое жалование составляло 150 рублей⁹.



Семья Формозовых, фотография 1900-х гг. Слева направо: Александр, Нина, Николай, Галина, Елизавета Федоровна, Николай Елпидифорович.

Женился Николай Елпидифорович рано на Елизавете Федоровне Федоровой, старше его на год, родившейся в селе Асташиха Нижегородского уезда. Иван Елпидифорович говорил мне, что ее отец Федор Федорович Федоров происходил из кантонистов, крещеных евреев. Елизавета Федоровна была портнихой. Выйдя замуж, целиком посвятила себя семье. В 1897 году родился сын Николай (ум. 1980), в 1899 – Александр, в 1900 – дочь Нина (ум. 1965), в 1902 – Галина (ум. 1975). Письма Елизаветы Федоровны к младшему сыну в Москву написаны очень неуверенным почерком, почти без знаков препинания, с немалым числом орфографических ошибок и полны беспокойства о здоровье, одежде, питании всех чад и домочадцев. Это была простая, добрая, отзывчивая женщина. Когда она умерла, Александр Николаевич вспоминал о ней так: “Всю жизнь она провела кухаркой, водоноской, поломойкой, прачкой. Ее бедные ноги опухли, а вены на них давно надулись и полопались от вечного стояния у печки и кухонного стола.... А какие у нее были золотые руки! Наверное, мое умение пилить, рубить, строгать, рисовать, пришивать заплаты и стряпать досталось от нее”¹⁰.

С появлением семьи Николай Елпидифорович с горечью отказался от смутных надежд на университетское образование (что удалось Ивану, уехавшему в 1901 году после семинарии в Юрьев, где он окончил медицинский факультет), от поисков интересной работы. Надо было содержать семью, тянуть чиновничью лямку. Служба тяготила, выматывала. Единственной отдушиной оставалась охота, поездки в заволжские леса, встречи с простыми деревенскими людьми.

⁹ Формулярный список о службе столоначальника казенной палаты надворного советника Николая Елпидифоровича Формозова 1917 г. – Нижегородский обл. архив. ф. 2082, оп. 2, ед. хр. 1684, л. 6, об.

¹⁰ П. Л.Н.Формозовой 20-VIII 1928.

От отца я знал, что дед писал путевые очерки и печатал их в нижегородских газетах. Я пересмотрел в библиотеках губернские издания 1896–1917 годов и нашел около 15 статей, подписанных Н.Ф., Н. Ф-ов, Н. Ф-в, Н.-ов и бесспорно принадлежащих Николаю Елпидифоровичу. Вероятно, таких публикаций было больше. Хотя материала для суждений об авторе не так уж много, все же мне кажется, что и выявленные мною статьи отражают известную эволюцию его взглядов.

Самые ранние очерки относятся к 1901–1903 годам и содержат впечатления от поездок в лесничество Павла Авситидийского и окрестные места на Керженце. Первый подвал в газете “Волгарь” начинается словами: “Постоянный житель города, в большинстве случаев ведущий сидячий кабинетный образ жизни, временами чувствует непреодолимое желание уйти из пыльной городской атмосферы, вздохнуть чистым воздухом деревни, лесов и полей, а если этот городской обыватель в душе еще ружейный охотник или рыбак, то это влечение к природе становится в нем буквально неотразимым. И вот, бросив дела, он неудержимо стремится из города куда-нибудь в глушь, подальше от городской пыли, копоти, людского шума в грохота экипажей”¹¹. Тот же мотив звучит и в ряде позднейших статей. Был он близок и Александру Николаевичу.

Вывавшись на волю, Николай Елпидифорович отнюдь не считал себя свободным от каких-либо обязательств перед обществом. Он брался за перо не для того, чтобы рассказать об охотничьих эпизодах, а для того, чтобы обратить внимание на условия жизни крестьян и убедить читателей в необходимости перемен. Автор с болью говорит о ничтожном числе врачей на огромный бездорожный район, о варварских способах лесосплава, об опустошительных пожарах, о том, что мужики, избегая ветеринаров, идут за помощью к знахарям и коновалам.

Вторая статья кончается так: “Эх, тьма народная! Скоро ли ты рассеешься пред светом книжного ученья? А теперь она подобно туману осеннему иди дыму от бесконечных пожаров лесных нависла над землей...”¹². Сказано здесь и о задачах сельских интеллигентов, о том, как Николай Елпидифорович составлял всяческие прошения для крестьян и сталкивался с местным урядником¹³. Все это типично для народнической литературы. В традициях позднего народничества и был воспитан Н.Е. Формозов, ими он и вдохновлялся. Кумиром деда был Короленко. Владимир Галактионович жил после ссылки в Нижнем Новгороде в 1885–1896 годах. Вряд ли Николай Елпидифорович сумел с ним познакомиться будучи семинаристом. Но память о мудром, гуманном человеке, о его самоотверженной работе на голоде 1891 года долго хранилась в губернском городе. Внимательно читалось все, что он печатал в столичном “Русском богатстве”. Влияние короленковского рассказа 1891 года “Река играет” чувствуется в “наброске с натуры” Н.Е. Формозова “Перевозчик” 1911 года¹⁴.

Помимо путевых очерков пробовал свои силы Николай Елпидифорович и в чистой беллетристике. Два его рассказа – “В деревне” (1907) и “Пасхальная ночь” (1911) – очень плохи. В первом идет речь о “члене уездной земской управы из крестьян” Михаиле Ивановиче. В голодный год он организует столовые для детей, находит заработки для их родителей¹⁵. Во втором отражен другой период – “аграрные беспорядки”. Богатый помещик Николай Дмитриевич Игнатьев собирается продать часть земли “товарищескому обществу крестьян села Луговского... на подбор из мироедов”, а обозленные этим мужики ближайшего села Лукина хотят спалить его имение. В пасхальную ночь все кончается благополучно: Игнатьев решает отдать “по сходственной цене” землю лукинскому сельскому обществу, а услышавшие благовест под-

¹¹ Н.Ф-в. Из поездки на Керженец // Волгарь, 3-V 1901, № 118.

¹² Н.Ф-ов. На Керженце // В, 26-VIII 1901, № 232.

¹³ Н.Ф. В деревне (летние очерки) // В, 11-VI 1903, № 156.

¹⁴ Н.Ф-ов. Перевозчик (набросок с натуры) // НЗГ, 1911, № 29, с. 778, 779.

¹⁵ Н.Ф-ов. В деревне // В, I-III 1907, № 50.

жигатели отказывается от своего преступного намерения¹⁶. Хотя было немало людей, бескорыстно спасавших голодающих, и встречались помещики, стремившиеся по хорошему договориться с крестьянами, все же рассказы кажутся фальшивыми, сусальными. Это не просто народническая беллетристика, а пример ее разложения.

Между двумя названными публикациями надо поместить заметку “По дороге (из поездки в Арзамас)” 1906 года – прямой отклик на первую русскую революцию. Николай Елпидифорович едет из Нижнего на родину по недавно проложенной железной дороге. Зима, заносы, поезд стоит на станциях по часу и больше. Автор наблюдает за пассажирами и видит, как “отравляется деревня черносотенной литературой. Белознаменный “алатырь” привез на станцию целые кипы черносотенных газет “Русское знамя”, “Вече”, “Минин” и др. и вкупе с товарищами раздает бесплатно газетки крестьянам”. С удовольствием пишет Николай Елпидифорович о том, как молодой крестьянин “демонстративно рвет на мелкие куски газету и обрывки бросает по ветру. – “Людей морочат” – замечает он и, насупившись, отходит в сторону”¹⁷. Кому симпатизирует корреспондент газеты, совершенно ясно.

Но в “Пасхальной ночи” прорывается нечто другое. Конечно, героя ее нельзя отождествлять с автором, но размышления Игнатьева показательны: “Благодаря усердию партий, свобода наиболее беспокойными элементами населения была понята как разнузданность, как право хватать всякого за горло, брать безнаказанно чужую собственность. Наиболее спокойные уравновешенные люди, благодаря неожиданному натиску оголтелых бесшабашных проповедников превратно понятой свободы, растерялись и утратили веру в пользу и даже в самую возможность свобод. Потерялась в массе населения та золотая середина, то правильное понимание переживаемого момента, которые были так необходимы для дружной плодотворной работы на пользу убитой, потрясенной войной родины. Подстрекаемые партийными людьми крестьяне потеряли свой обычный простодушный облик”¹⁸. Это достаточно точная передача настроений, охвативших определенные слои интеллигенции после революции 1905 года.

По-моему, перелом произошел тогда и в мировоззрении Николая Елпидифоровича. Его ранние статьи печатались в 1901-1907 годах в самой большой нижегородской газете “Волгарь”, издававшейся С.И. Жуковым (отцом археолога Б.С. Жукова). Позднее ни одной строчки Формозова в этой газете мы не находим. Времена изменились. Рассказы о жизни деревни уже не так интересовали читателей. Тут публикуются теперь Н. Агнивцев, А. Грин. Серия статей Н.Ф.ова появилась в 1911 году в “Нижегородской земской газете”. Они, на мой взгляд, иные, чем прежние. Это две сказки “Березка” и “В лесу” (характерно, что в те же годы сочиняли сказки М. Горький и Е. Чириков). Прекрасна природа, страшен вторгающийся в нее человек, губящий красоту в все живое – таков смысл сказок¹⁹. Очерк “Фадя (из народных поверий и суеверий)” посвящен забитому туповатому мужику. Заканчивается он словами: “и много, много, целый непочатый угол таких “Фадей” живет на родной Руси. И будут жить эти Фадя – полуязычники, полудикари – до тех пор, пока свет образования широкой волной не волеется в народную массу, не осветит темных мест нашей русской жизни, не озарит Фадей знанием, истинной религией, осмысленным разумом”²⁰. Это как будто почти то же, что писалось десять лет назад в статье “На Керженце”, но тон стал другим, краски мрачнее, веры в мужика меньше (сравни с образом замечательного организатора столовых Михаила Ивановича).

И, наконец, большой и, пожалуй, лучший рассказ Николая Елпидифоровича – “В лесной глуши”. Автор отправляется на охоту и навещает давнего знакомого Михаила Ивановича Шох-

¹⁶ Н.Ф.-ов. Пасхальная ночь // НЗГ, 1911, № 14, с. 371–378.

¹⁷ Н.Ф.-ов. По дороге (из поездки в Арзамас) // 25-ХП-1906, № 352.

¹⁸ Н.-ов. Пасхальная ночь, с. 373.

¹⁹ Н.-ов. Березка (сказка) // НЗГ, 1911, № 17, с. 478, 479; Н.Ф.-ов. В лесу (сказка) // НЗГ, 1911, № 50, с. 1378, 1379.

²⁰ Н.Ф.-ов. Фадя (из народных поверий и суеверий) // НЗГ, 1911, № 41. с. 1099–1102 (цитата со стр. 1102).

рова – старообрядца, укрывшегося от людской неправды на пасеке, спасающего душу на лоне природы. Его настроение близко и понятно приезжему городскому человеку. Слушая пение духовных стихов, он сам думает о смерти, о покое в лесной глуши, в стороне от греховного мира²¹.



Н.Е. Формозов (справа) на пчельнике М.И. Чугрова.

Рассказ автобиографичен. В Шохрове мой отец узнал Чугрова – крестьянина из села Красный яр близ Лысковского лесничества, многолетнего спутника Николая Елпидифоровича в его охотничьих скитаниях. Сохранилась фотография, где они сняты вдвоем.

После 1911 года в нижегородских газетах статей Н.Ф-ова уже нет. Может быть, ему теперь нечего было сказать, может быть, то, что он говорил, больше не привлекало издателей. Ему исполнилось всего сорок лет, но он быстро шел под гору. Немалую роль сыграла, видимо, плохая наследственность. На охоте, по словам Ивана Елпидифоровича, его брат “сорвал сердце”. При ходьбе у него начиналась сильнейшая тахикардия. 28 марта 1913 года, т. е. задолго до мировой войны и революции, Николай Елпидифорович оформил завещание. В нем он, в частности, просил детей “не отдаляться от природы, жить ближе к ней, так как в ней нет обычных в среде людей фальши и лжи и среди красот ее скорее всего можно найти отдых, успокоение и здоровье”²². В итоге мне представляется, что мой дед прошел путь от народничества к чему-то вроде толстовства, достаточно типичный для русской интеллигенции начала XX века.

Последний эпизод из его биографии, важный для понимания образа нашего главного героя, известен мне только по рассказам, хотя – по тем же рассказам – он нашел отражение и в печати. В 1905 году, в период “аграрных беспорядков”, было приказано выделить из чиновников людей в помощь полиции. Выбор пал на Формозова, служившего в губернском правлении, – мужчина рослый, видный, охотник – значит, и в оружии понимает. Вызывают его и говорят: “так мол, и так. С завтрашнего дня направляетесь Вы в распоряжение полиции” –

²¹ Н.-ов. В лесной глуши // НЗГ, 1911, № 13, с. 357–363.

²² Выпись из актовой книги для актов, не относящихся до недвижимых имуществ нижегородского нотариуса Михаила Ивановича Русецкого на 1912–1913 года, № 1493.

“Нет, – отвечает дед, – я не пойду. – “Да Вы что, Николай Елпидифорович? Это – приказ. Сам его высокопревосходительство Вас назначил”. – “Нет, не пойду”. – “Да Вы забываетесь, милостивый государь! За неподчинение Вас просто уволят”. – “Нет, не пойду”. И уволили. Было время общественного подъема. О судьбе отца четырех детей, выброшенного на улицу, заговорили, писали в газетах (я не разыскал этих публикаций). Уволенному помогли, устроили его на службу в частном банке. В формулярном списке Н.Е. Формозова это нашло такое выражение: 15 мая 1905 года он “распоряжением губернского начальника определен на должность пристава 2-го стана Горбатовского уезда. Не вступая в должность, согласно прошению по болезни уволен в отставку” 20 июня 1905 года. Вновь приняли его на государственную службу только в 1909 году.

Таков был “звездный час” Николая Елпидифоровича. Наверное, его сын вспоминал об этом в конце сороковых – начале пятидесятых годов. Таков был человек, оказавший на Александра Николаевича едва ли не определяющее влияние на всю жизнь.

Итак, Александр Николаевич Формозов родился 1 февраля 1899 года (ст. ст.) в Нижнем Новгороде. 5 февраля он был крещен в Воскресенской церкви (на углу улиц 3-й Ямской и Шевченко). Таинство совершал священник Василий Формозов (кажется, двоюродный брат Николая Елпидифоровича), а восприемниками были титулярный советник Александр Васильевич Богородский и жена техника Александра Степановна Федорова²³.

К началу XX века Нижний уже крупный губернский город. В 1896 году в нем жило 81 563 человека, а в 1917 – 148 000. Это промышленный центр с пятьюдесятью фабриками и заводами, с большим отрядом пролетариата, мощно заявившим себя в 1905 году (читай “Мать” Горького). Это железнодорожный узел, связанный колеёй с Москвою еще с 1861–1862 годов, а с 1906 – и с севером – Вологдой и Вяткой²⁴. Это огромный порт на Волге, по которой плавала тысяча пароходов. Это и Всероссийская ярмарка, перенесенная в 1818 году из Макарьева в Канавино, на стрелку при впадении Оки в Волгу. Это город с первоклассной архитектурой, с кремлем, Архангельским собором. Рождественской Строгановской церковью, со зданиями в стиле классицизма и ампира. Это культурное гнездо с театром на тысячу мест, с сильной труппой и постоянными гастролями лучших артистов России, город, где есть художественный, исторический и естественно-исторический музеи. Как же отразилось все это на формировании характера мальчика из небогатой семьи, что из окружающего оставило отпечаток на его личности, а что прошло мимо?

Я никогда не слышал от отца о нижегородском театре. Должно быть, если он там и бывал, то очень редко. Не помню я и рассказов о стачках сормовских рабочих. И это было от него далеко. Только в книжке 1926 года “Наше рыболовство” приведен эпизод двадцатилетней давности. Автору врезалось в память, как на его глазах рыбаки не отдали становому свои незаконные снасти. “Долго, крепко били, по грязи его валяли у ручья, отобрали револьвер, мундир порвали. А потом притихло в ужасе село. И пришел на утро пароход быстроходный, с острым, как у щуки, носом, темно-серой жуткой краски. Вышли стражники с винтовками, потащили рыбаков на пароход, и заплакали, заголосили бабы на селе. Забурлили лопасти винта, побежала пена из-под носа, затрепался по ветру цветистый флаг. Увезла полиция речная рыбаков в уездную тюрьму. За решетку посадили их над рекой рыбацкой в башне каменной Макарьевской, что глядится в волжские струи”²⁵. (Любопытны два момента. Во-первых после такой впечатляющей картины автор признает, что не правы были все-таки рыбаки, занимавшиеся браконьер-

²³ Метрическое свидетельство А.Н. Формозова. – Нижегородский обл. архив, ф. 2082, оп.2, ед. хр. 1684, л.5.

²⁴ Нижний Новгород. // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон; т. XXI, СПб, 1897, с. 51; Горький // БСЭ (3 изд.), т. 7, 1972, с. 140.

²⁵ Формозов А.Н. Наше рыболовство. М.-Л., 1926, с. 9.

ством. Во-вторых, сам стиль с несколько навязчивой инверсией, напоминающей построение фраз в очерках Николая Елпидифоровича).

Жизнь губернского центра в целом для мальчика была чужда. Недаром, в первых изданиях «Шести дней в лесах» возвращение юных охотников в город обрисовано так мрачно: «Захлебываясь в дыму, горбатым чудищем растянулся он, оседлав волжские горы, больной и жадный, поджидал своих жертв, тускло мигал красными глазками фонарей и кашлял хриплыми осипшими гудками паровозов»²⁶. Должна была пройти четверть века, прежде чем в третьем издании повести тот же эпизод приобрел иную тональность: «Вот и отчий дом – старинный город, верный страж над широкими раздольями Волги: А за ним во все стороны в полумраке внешней ночи – русские бескрайние поля, поля и деревни с томным звоном гармоник, с песнями девушек у околицы и над десятками неисхоженных верст – свежий шелест-ропот вековых лесов, переполненных всяческой жизнью. Любимый край, милая природа, милее их нет во всем свете»²⁷. Тогда, в годы зрелости, стало ясно, что противопоставлять родной город окружавшим его лесным краям не совсем правильно, в чем-то они дополняли друг друга. Тогда, набрасывая в затемненной военной Москве черновики так и не доведенных до конца «Записок натуралиста», Александр Николаевич уделил в них место и Нижегородскому кремлю и Историческому музею в одной из его башен, где были собраны памятники древности и старого русского быта (в его детских дневниках я увидел зарисовки кремневых орудий, выставленных в музее). Эти реликвии помогли мальчику прикоснуться к национальным историческим традициям, что оказалось отнюдь немаловажным для научного и художественного творчества А.Н. Формозова.

Но в детстве и юности все воспринималось иначе. Дороги были не кремль, не гимназия, а Волга, рыбная ловля, первые охотничьи походы с отцом, магазин «Диана», где покупали порох и дробь²⁸, собаки, жившие в семье. Уже пяти – шестилетний Шура часами сидел с удочкой на волжском берегу, ловил плотвичек и ершей, налимов и подлещиков, следил за полетом чаек, за поденками и цаплями, всматривался в жизнь рыбаков, перевозчиков. От них, затаив дыхание, слышал он рассказы о Стеньке Разине, о таинственных кладках, о сегодняшних удивительных событиях на великой реке.

Летом семья Формозовых выбиралась за город, не на дачу, а куда-нибудь в обычную деревеньку, где можно снять дом подешевле, но обязательно близко от Волги и с лодкой. Первое лето, запомнившееся мальчику, было проведено в селе Татинец, на правом берегу Волги, выше Макарьева. Но особенно яркие впечатления остались от более поздних выездов в Лысково. Длинные летние дни на вольном воздухе, на лодке с удочками у таинственных древних стен Макарьевского желтоводского монастыря.

²⁶ Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. П., 1924, с. 115.

²⁷ Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. М., 1948, с. 110.

²⁸ Нижегородский охотничий магазин «Диана. К.Г. Кениг и сын» описан в рассказе Н.Н. Зарудина «Древность» (В его кн. Закон Яблока. М., 1966, с. 135–136). Помещался он на Осыпной улице (Весь Нижний Новгород и Нижегородская ярмарка. Путеводитель. СПб, 1914. с. 64).



Дом на Большой Печерской улице в Нижнем Новгороде, где жила семья Формозовых.

Очень рано Николай Елпидифорович стал брать Шуру на охоту. Из дома на Большой Печерской улице (дом 49, кв. 14, ныне дом 51а) они выходили мимо Печерского монастыря вниз по правому берегу Волги на старый Казанский тракт, обсаженный березками еще при Аракчееве, и здесь уже можно было увидеть и следы зайцев и их самих, забыть о городе и погрузиться в общение с природой. Перед отцом Александр благоговел, а тот радовался, что у него появился спутник, помощник, ученик, жадно внимавший его рассказам о зверях и птицах. 23 марта 1923 года, когда сын уже учился в Москве, он писал ему: “как хочешь, а ведь есть связь между твоим детским бродяжничеством с отцом по лесам и полям и излюбленным и избранным теперь тобою жизненным поприщем. Конечно, огромное значение имеет и природа: ты в детстве, едва умея бродить, всему предпочитал быть на воле, среди травы и кустов. Гулять, или, как ты тогда выражался, “галять” было твоим любимым удовольствием”.



Н.Е. Формозов с сыном на охоте. Рис. А.Н. Формозова к первому изданию книги “Шесть дней в лесах”, 1924 г.

Так еще в детстве наметилась область интересов нашего героя. В этом как будто нет ничего загадочного: ребенок подражал отцу. Но ведь был другой сын, старший, а его ни охота, ни природа нисколько не увлекали. Николай Николаевич, подобно младшему брату, в 1920-х годах переехал в Москву, тоже служил там в Университете, занимаясь психологией, но как-то не нашел себя, тяжело перенес разгром этой науки на грани 1920-х и 1930-х годов, рано перевелся на инвалидность и – вечно больной, – пережив всех своих родных, умер на девятом

десятке лет. На вопрос, почему мы выбираем ту, а не другую дорогу, ответить сплoшь и рядом немислимо.

В 1909 году, сдав экзамены по арифметике и русскому языку – устный и письменный, – Александр поступил в гимназию. Родители постарались, чтобы все дети получали наилучшее из возможных в городе образование. Поскольку плата за учение составляла 70 рублей в год²⁹, мелкому чиновнику это было нелегко. Мальчики получали стипендию нижегородского земства. Стипендия Александра называлась “имени Ульянова”³⁰.

Нижегородская первая мужская гимназия, помещавшаяся на Благовещенской площади и основанная в 1809 году, была неплохим учебным заведением, с сильным составом преподавателей и определенными литературными традициями (тут в 1839–1846 годах преподавал П.И. Мельников-Печерский; среди выпускников разных лет – китаевед В.П. Васильев, историк К.Н. Бестужев-Рюмин, математик и механик А.М. Ляпунов, химик А.Е. Фаворский). Для учащихся устраивали экскурсии. Так, в июле 1914 года отец побывал на Урале: в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Кунгуре, Златоусте, Перми. Благодаря школе он овладел латинским, французским и немецким языками, полюбил классическую русскую литературу.

И все-таки гимназическая жизнь для мальчика значила куда меньше, чем охотничьи походы. Вне класса никакого общения с учителями не было. Как-то, разглядывая старую нижегородскую фотографию, где при выпуске были запечатлены все педагоги и ученики, я увидел среди первых портрет Сергея Ивановича Архангельского – известного специалиста по средневековой Англии, выбранного в 1940-х годах членом-корреспондентом Академии наук. Я спросил о нем отца, но он не смог припомнить об историке ничего, кроме одной шалости, с ним связанной.

Для того, к чему лежало сердце, гимназия давала мало. А мальчик, вступавший в юношество, чувствовал, что его знания о мире природы скудны, и жаждал их расширить. Сперва он кинулся искать книги. Попросил тетю подарить на очередной день рождения книгу о животных. Та купила альбом, где были нарисованы лягушки, поющие по нотам и крот в очках с ножницами в лапах. Схватил тургеневские “Записки охотника”, принесенные из библиотеки старшим братом, – опять не то, все про людей, а не про зверей. Наконец удалось достать “Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы” профессора Модеста Николаевича Богданова. В 1914 году вышло первое издание “Жизни леса” молодого Сергея Ивановича Огнёва. Оттуда взят эпиграф к самому раннему дневнику А.Н. Формозова 1914–1915 годов: “Образ жизни наших мелких млекопитающих изучен еще очень мало, а между тем как много интересного можно сделать в этой почти нетронутой области... Собирайте поэтому мелких зверьков, записывайте наблюдения над их образом жизни, привычками, и вы несомненно внесете много нового в эту еще слабо изученную научную область”³¹.

Но ближе всего по духу и настроению оказались для юного натуралиста повести канадского писателя Эрнста Сетона-Томпсона (1860–1945). Их выпускало издательство толстовцев “Посредник”, чтобы пробудить любовь к животным в народе, и эти брошюры, стоившие копейки, были доступны школьнику из бедной семьи.

До конца дней хранил их Александр Николаевич, а тогда в подражание Сетону принялся рисовать птиц и зверей. Копировал иллюстрации из книг самого Сетона, из охотничьих журналов, иногда попадавших к Николаю Елпидифоровичу, зарисовывал следы, встретившиеся при походах за город, цветы и деревья, трофеи отца – убитых зверей и птиц, и живых – по памяти. “Из года в год его неутомимые попытки изображать овсянок, дятлов и синиц оставляли бесчисленные следы на тетрадах для алгебры и французского, даже на обложках учеб-

²⁹ Весь Нижний Новгород..., с. 47.

³⁰ Нижегородский обл. архив, ф. 520. оп.478, ед. хр. 1752, л. 4.

³¹ Огнёв С.И. Жизнь леса. М. 1914, с. 28.

ников” – говорится в “Шести днях”³². “Опять Формозов синичек рисует”, – ворчал учитель латинского языка. С тех пор он привык, сидя на скучных заседаниях, набрасывать что-нибудь на подвернувшемся клочке бумаги, и нередко соседи выпрашивали эти листки и берегли их годами. Занимался он с ранних лет и акварелью, но здесь отсутствие какой-либо школы более сказывалось. Иное дело – рисунки пером, сперва чернилами, а потом тушью. Рука становилась все увереннее, фигуры зверей и птиц все лаконичнее и одновременно – живее.

Рядом с зарисовками в альбомах появились и записи – что видел в Печорах, около Высокова, на Татинском полуострове и просто в городе, по дороге в гимназию. Самые первые записные книжки относятся к 1911 году. Именно тогда Николай Елпидифорович часто печатался в “Нижегородской земской газете”, и возможно, что и в этом случае сын невольно подражал отцу. Но старый народник писал преимущественно о крестьянах, а мальчик – исключительно о животных. В дневниках нет ни одного упоминания о гимназических событиях, отметках, проказах. Внимание целиком сосредоточено на жизни природы. Детские описания неумелы, многие птицы фигурируют под псевдонимами – “желтогрудка”, “белохвостка”. Но постепенно вырабатывался более четкий стиль, приводились точные видовые определения. Заметно и еще что-то сверх этого: попытки не только зафиксировать те или иные наблюдения, но и передать свои впечатления в художественных образах – пробы пера будущего писателя – натуралиста. Иногда в дневниках есть поправки рукою Николая Елпидифоровича. Сперва дневник был скорее фенологическим и только позднее стал чисто зоологическим. Но все, что отражает смену времен года, отец заносил в свои тетради до конца дней. Эти явления в жизни природы буквально завораживали его. Уже в ранних дневниках бросается в глаза внимание к мелочам и умение увидеть за этими мелочами что-то важное и общее – качество, и в дальнейшем составлявшее одну из сильнейших сторон Формозова-натуралиста. Пристально всматривался он в каждую сломанную веточку, в каждый след на снегу или песке, погрызенные орехи и т. д.

Экскурсии за город были достаточно частыми. Так, за 1915 год есть 118 записей, за 1916 – 115.

В те же годы Александр получил в подарок от отца свое первое ружье – бельгийскую дамскую двустволку, начал охотиться самостоятельно и порой даже оказывался удачливей своего учителя. Увлёкся он и звероловством, ставя капканы в окрестностях города. В январе 1913 года был пойман чудесный горностай в зимнем меху – настоящее счастье! Четверть века спустя об этом написан рассказ “Во времена звероловства”.

Все чаще Александр отправлялся на экскурсии один. Николай Елпидифорович болел и старел. Запас его сведений о зверях и птицах для сына исчерпался. Нужен был новый наставник. И Александру опять повезло. В городе с 1885 года существовал основанный В.В. Докучаевым “Естественно-исторический музей Нижегородского губернского земства”. Размещался он на углу Варварской и Осыпной улиц (ныне улицы Веры Фигнер и Пискунова). Ботаническим отделом заведовал там Николай Александрович Покровский (1881–1943)³³. Как и Н.Е. Формозов, он принадлежал к плеяде разночинцев-народников, шедших в сельские учителя, земские врачи в надежде своими “малыми делами” помочь рассеять темноту русской жизни. Николай Александрович – уроженец Нижнего Новгорода – учился в Петербургском университете, слушал лекции Н.А. Холодковского и В.М. Шимкевича, но в 1911 году, заболев паркинсонизмом, не кончив курса, вернулся в провинцию и посвятил себя краеведению. В одиночку или с немногими добровольными и бесплатными помощниками собирал образцы средневолжской фауны и флоры, (больше всего любил он коллекцию птиц, состоявшую из 3000 тушек), материалы по геологии и почвоведению и систематизировал их в своем маленьком музее. В печати он выступал редко, но знания о природе района за долгие годы приобрел весьма солид-

³² Формозов А.Н. Шесть дней в лесах. М., 1948, с. 6.

³³ Козлов В.И. Краевед-биолог Николай Александрович Покровский. Записки краеведов. Горький, 1988, с. 88–90.

ные, так что приезжавшие из столиц ученые не раз пользовались его советами и накопленными им данными. Человек болезненный, замкнутый, чудаковатый, холостяк, он любил возиться со школьниками, и дети тянулись к “Николе”, как любовно называли они хранителя музея.



Николай Александрович Покровский.

К нему-то в 1912 году и пришел гимназист Александр Формозов. Он и сам в детстве составлял для себя биологические коллекции, сначала бабочек, а потом птичьих яиц. Один случай, когда сидевшая на гнезде зарянка мужественно защищала кладку своим маленьким тельцем от пытавшегося забрать хотя бы яичко коллекционера, произвел на него такое впечатление, что собирание было оставлено ради бескорыстных наблюдений за жизнью природы.

И вот недалеко от дома юный натуралист увидел сотни яиц, сотни бабочек, многие десятки чучел птиц и зверей, все с точными названиями и краткими справками, в каких районах и в каких условиях водятся эти животные. “Желтогрудки” и “белохвостки” получили при-

своенные им наукой имена. Уже в дневниках А.Н. Формозова 1913–1914 годов мы встретим ссылки на определения Н.А. Покровского, не только русские, но и латинские названия видов. Охотничьи походы перестали восприниматься как простое удовольствие. Что-то из добытых зверей и птиц оказывалось нужным для музея. Замеченное в лесу выглядело в новом свете после объяснений опытного биолога. Была при музее и богатая библиотека с полными комплектами “Природы и охоты” и других журналов, трудами зоологов и ботаников, определителями растений и животных. С каждым годом записные книжки гимназиста все больше приближались по типу к дневнику профессионального ученого. Регулярно вести записи Александр Николаевич начал с 12 октября 1914 года и не прекращал это занятие без малого шесть десятилетий. Некоторые факты, зафиксированные еще в школьные дни, приведены в его работах зрелых лет, некоторые рисунки 1910-х годов вошли в “Спутник следопыта”.

Определились темы, волновавшие натуралиста на протяжении всей жизни: “Чудная вещь этот снег: едет ли воз с сеном, упадет ли с дерева листок, пробежит ли черный стройный хорек или крохотная мышь-малютка вылезет покормиться – обо всем останется надпись, точный отпечаток характера и повадок существа, прикасавшегося к этому пушистому и предательскому покрову” (Д. 4-Х-1916).

Определился и круг видов, привлекавших особенное внимание следопыта. Есть записки и о цветах, и о бабочках, и о ящерицах, но чаще всего говорится о птицах и мелких зверьках, главным образом о грызунах. Их в любой день можно было наблюдать в окрестностях города. На дневнике 1915–1916 годов стоит эпитафия из книги Н.А. Холодковского и А.А. Силантьева “Птицы Европы”: “Кто бы вы ни были, как бы ни малы были ваши средства, но раз вы искренне интересуетесь птицами, всегда найдется подходящая для вас задача, над которой вы можете поработать с интересом для себя и с пользой для дела. Надо только выбрать ее для себя по плечу”³⁴.

Покровский научил Александра снимать шкурки с убитых животных и изготавливать их тушки. Этот опыт таксидермиста пригодился ему в дальнейшем и при работе в Дарвиновском музее в Москве, и при создании собственной коллекции, нужной как наглядное пособие к лекциям в университете.

Одним словом, Н.А. Покровский сыграл в жизни А.Н. Формозова очень большую роль. Из писем Николая Елпидифоровича к сыну видно, что в середине 1920-х годов Покровский помогал бедствовавшей семье Формозовых даже материально. Вынужденный из-за болезни отказаться от охоты Николай Елпидифорович распродал свое снаряжение, а Покровский купил его через подставное лицо, заплатив максимальную цену. В Дагестан Александр Николаевич ездил с ружьем Покровского, и этот “Зауэр” так и остался у нас.

Отец тепло вспоминал о скромном хранителе земского музея в “Записках натуралиста”, с любовью говорил о нем студентам и своим детям, рассказывая о юности. Тем не менее с 1927 года он уже не переписывался с учителем. А тот, одинокий, нищий и больной, так нуждался в участии. Он умер во время войны от истощения. Возможно, старик с грустью думал о неблагодарности человека, выросшего на его глазах от жадного к знаниям, но едва переступившего порог науки мальчишки до профессора Московского университета. Я тоже готов упрекнуть в этом отца, но чувствую, что суть дела не в данном частном случае, а в чем-то более глубоком и для меня не вполне понятном. С середины тридцатых годов отец не был в Нижнем ни разу – целых сорок лет. Отказался поехать на встречу одноклассников к пятидесятилетию выпуска. – “Неужели тебе не хочется посмотреть на родные места?” – недоумевал сын-историк. “Нет, там все изменилось. Могилы родителей сравнивали с землей. Нет, не хочу,” – отвечал он. Видимо,

³⁴ Холодковский Н.А. и Силантьев А.А. Птицы Европы. Практическая орнитология с атласом европейских птиц. СПб., 1901, с. LXXVI.

возвращение к прошлому было бы для его легкоранимой натуры слишком болезненным. Прекращение переписки с Покровским стоит, по-моему, в той же связи.

В последних классах гимназии Александру удалось найти друзей, не меньше, чем он, увлеченных охотой, скитаниями по среднерусским лесам. Это были его однокашники Иван Алексеев и Николай Зарудин. Иван Константинович Алексеев прожил скромную жизнь, работая в Борском лесничестве на Волге, умер в 1950-х годах. Николай Николаевич Зарудин (1899–1938) был в свое время достаточно известен как поэт и прозаик из литературной группы “Пере-вал”. Он был расстрелян на исходе ежовщины вместе с Борисом Пильняком, Артемом Веселым и Иваном Катаевым (двадцать лет спустя реабилитирован). Избранные произведения его переизданы и хорошо приняты новым поколением читателей³⁵.

Начало его творческого пути, как и пути моего отца, можно проследить по рукописному журналу “Любитель природы” с подзаголовком “Журнал, издаваемый бродягами – охотниками – натуралистами Н. Зарудиным, А. Формозовым и И. Алексеевым”. Уцелело несколько номеров. Седьмой и, вероятно, последний – датирован 17 января 1917 года, первый же – был составлен в 1915 году. Кроме редакторов писали В. Постников, В. Васин, а рисовал и оформлял журнал только Формозов³⁶. В его статьях “Белка”, “Зимняя покровительственная окраска”, “Юркинский остров”, “Весенний прилет и пролет птиц в 1915 году” мы найдем и собранные им самим факты, и первые попытки поделиться ими с окружающими, передать свое волнение, свою любовь к обитателям волжских берегов.

После Февральской революции однокашники отца напечатали в настоящей типографии несколько номеров “Журнала кружка 8-ых классов Нижегородской первой гимназии”. Сохранившийся № 2 за апрель 1917 года очень занятен. Тут и беспомощные стихи И. Демидова “На смерть борца за свободу”, и приветствующая свержение самодержавия статья “Садко” “Пора, давно пора!”, и прочувственный очерк Н. Зарудина “Памяти К.Р.” с цитатами из произведений великого князя, и трактат Давида Лурье “О национальном вопросе”. Странно выглядит среди этих публикаций заметка А. Формозова “Малая кукушка (*Cuculus intermedius*)” (с. 22-23). Рядом рецензия А. Дурмашкина на комплект “Любителя природы”. Из нее видно, что одноклассники чуть ли не накануне выпуска впервые услышали об этом существовавшем уже два года журнале.

Завязывались связи и с большой наукой. В одной из нижегородских газет было перепечатано письмо Дмитрия Никифоровича Кайгородова с просьбой к любителям природы присылать сведения о сроках пролета различных птиц. И гимназист Формозов стал снабжать петербургского профессора этими данными, получая от него ответы с выражением признательности за помощь.

³⁵ Зарудин Н. В народном лесу. М., 1970 (пред. В. Дынника). Он же. Тридцать ночей на винограднике. М., 1976 (пред. Н. Атарова). Он же. Путь в сторону смысла. М., 1983.

³⁶ Мир тесен. Зоолог Л.Г. Динесман написал в замечаниях по моей рукописи: “Владимир Валентинович Постников в 1934–1936 годах преподавал “рисование” в старших классах 214 школы гор. Москвы. Талантливый педагог и незаурядный человек своим предметом, превратившимся в его изложении в основы технического черчения, увлек поголовно всех ребят. На его уроках всегда была идеальная дисциплина, которую он поддерживал без видимых усилий. Владимир Валентинович прекрасно знал интересы и стремления всех своих учеников, поощрял и направлял их внешкольные занятия естествознанием и фотографией. Часто на переменах или после уроков он разговаривал со школьниками на самые разнообразные темы. Эти разговоры всегда были интересны. Мне Владимир Валентинович рассказывал об Александре Николаевиче в гимназические годы. По его словам, в гимназии А.Н. очень много и упорно работал над техникой рисунка. Рисовал Ал. Ник. ежедневно, часто на уроках, повторяя один и тот же сюжет, сознательно добываясь все большего и большего совершенства. Так же много и упорно работал А.Н. над стилем своих статей для журнала “Любитель природы”.

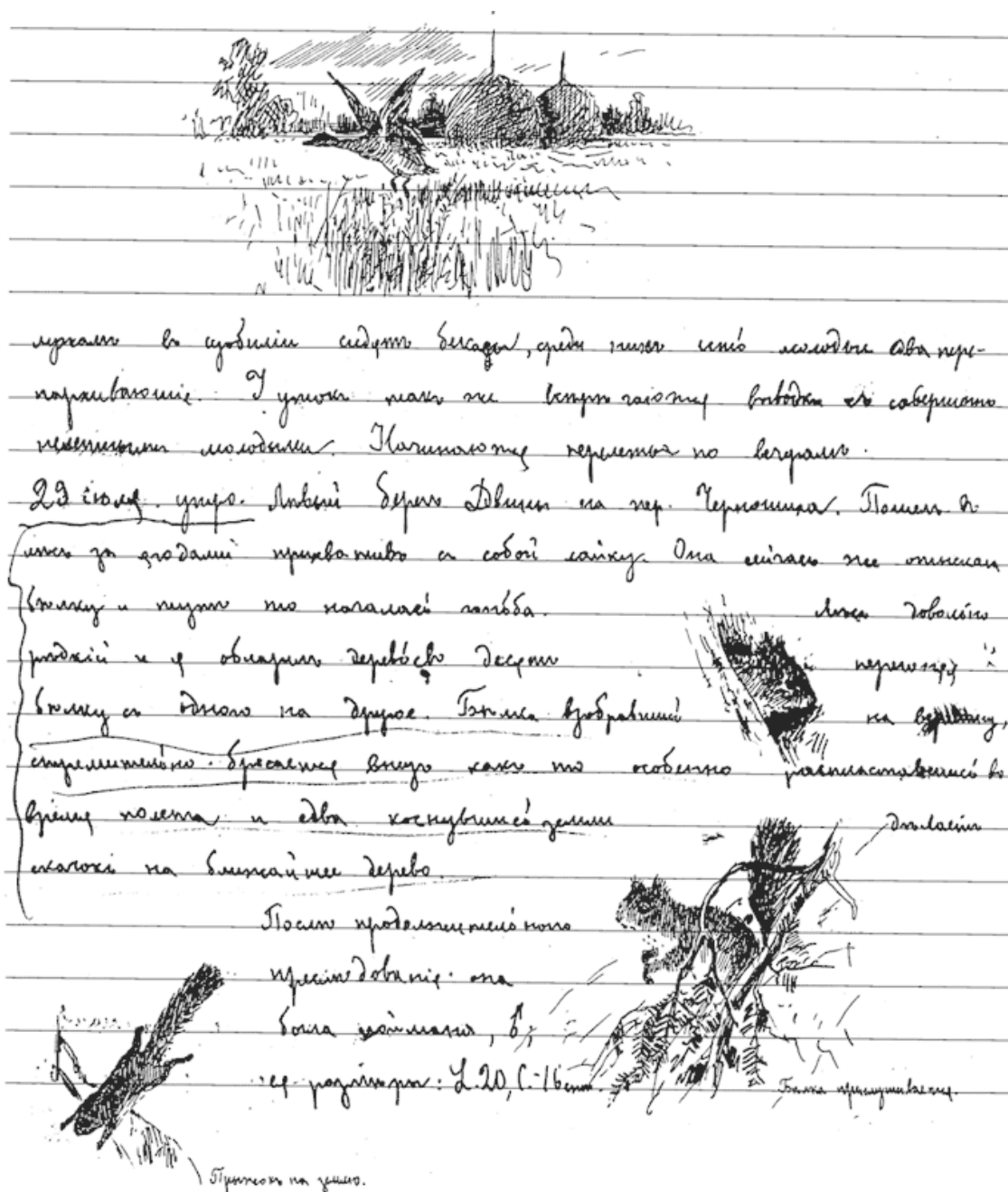


А.Н. Формозов при окончании гимназии, 1917 г.

3 мая 1917 года гимназия была окончена. В аттестате стояли пятерки за закон божий и законоведение, историю и географию и четверки за русский язык и словесность, философскую пропедевтику, математику, физику, математическую географию, латинский, немецкий и французский языки (биологии в аттестате совсем нет, хотя, по сведениям, собранным Е.М. Абрашневой, в гимназии был неплохой кабинет с пособиями по естествознанию и хороший учитель В.В. Раевский)³⁷. “Казалось бы, открывалась дорога к занятию любимым делом. Где — еще не очень ясно. То ли надо учиться в университете, то ли поступить в музей к Покровскому, хотя бы препаратором, но во всяком случае оставаясь “бродягой-охотником-натуралистом”. В дневнике рядом с наблюдениями занесены всякие практические рекомендации: как строить шалаши (шесть типов), как жарить на костре картошку и рыбу и т. д. Жизнь в лесу планировалась всерьез и надолго. Но шла весна 1917 года, и хотя в дневнике нет ни слова о мировой войне

³⁷ Абрашнева Е.М. Нижегородский период жизни и деятельности А.Н. Формозова (рукопись).

и Февральской революции, именно эти события, а не юношеские мечты определили будущее выпускника классической гимназии.



Страница из дневника А.Н. Формозова 1917 г.

В целом к восемнадцати годам Александр Формозов был уже очень неплохо подготовленным биологом. Он был превосходным наблюдателем, хорошо читал жизнь животных по их следам, твердо знал видовые названия всех встречавшихся ему зверей и птиц, умел добывать их и делать тушки, освоил литературу о них, различал их следы, выяснил многие черты их поведения, прекрасно рисовал животных и разнообразные проявления их жизни. А главное – он искренне и бескорыстно любил этих тварей и хотел посвятить их изучению все свои силы. Выработались навыки полевого исследователя, оставшиеся неизменными до конца дней. Труд зоолога – это прежде всего непосредственные наблюдения в лесу, в пустыне, в горах, а не занятия в кабинете с книгами, тушками и скелетами, это несчетные километры, пройденные

пешком или на лыжах, в дождь и в снег, проваливаясь в болота, но не отступая ни на шаг. За плечами – рюкзак, у пояса сумка с дневником, куда заносится и зарисовывается все, заслуживавшее внимания. Так было в 1912 году. Так было и в 1972.

Когда в Московском университете поднимался вопрос, кем надо пополнять Биофак, профессор Формозов всегда подчеркивал, что нужно отдавать предпочтение молодежи с рано выявившимися интересами, уже на школьной скамье тянущейся к природе³⁸. К этой аудитории юных натуралистов в первую очередь адресовался он в своих популярных книжках и статьях. Им – школьникам-юннатам, – не жалея времени, посылал он длинные письма с ответами на вопросы (даже сверхнаивные – например, “каким клеем лучше пользоваться, делая выставку в школе?”). Конечно, он вспоминал тогда о собственном детстве, о своих замечательных наставниках – отце Николае Елпидифоровиче и хранителе земского музея Николае Александровиче Покровском.

³⁸ Формозов А.Н. О работе студентов-зоологов в природе // МГУ, Учебно-методическая конференция 7–13 июня 1945 г. Тезисы докладов. М., 1945, с. 38.

Трудные перепутья (1917–1920)

27 октября 1917 года Александр Формозов записал в своем дневнике: “В ночь выпал снег, окончился он около 7 часов утра. Пороша неглубокая, мягкая и очень неясная. У с. Высокова на задах среди огородов и картофельников заметил надметины русачьего следа, пошел по нему, несколько раз терял. Русак сделал петлю на картофельнике и круто повернул вправо. Тут я потерял след и остановился. Вдруг сзади послышался шорох, и русак уже несся по полю, легко перескакивая через межи и кочки. Преследование его по гонному следу было безрезультатным, так как он лежал очень сторожко и подымался далеко. У Графского дола по бугру несколько заячьих следов, один спустился вниз и здесь шел по осокам болота, затем заяц вышел к бугру и лег на водомоине, густо заросшей желтыми травами. Оказался небольшим белячком. Вылинял, и сильно-бурый цвет только по спине и на голове, весом он около 8 фунтов. Русак еще линяет, на следу по кустам оставляет клочья рыжей шерсти. Кое-где следы хорьков, горностаев и ласок. Следов мелких грызунов мало. Утром кричали пуночки”.

28 октября в Нижнем Новгороде была установлена советская власть. Это событие в дневнике не отмечено.

Перевернулась страница мировой истории, но уяснить сразу же значение происходящего было отнюдь непросто. В одной из опубликованных биографий Александра Николаевича читаем: “Революцию встретил радостно и с оружием в руках отстаивал ее завоевания на южном фронте в армии Уборевича”³⁹. В первом утверждении нет никаких оснований сомневаться, второе же – требует уточнений. В семье с устойчивыми демократическими традициями ни малейшего сочувствия к павшему самодержавию, конечно, никто не высказывал. Надеялись на обновление России, на возникновение “на обломках самовластья” нового справедливого строя. Но ни сорокашестилетний Николай Елпидифорович, ни его двадцатилетние сыновья не думали о том, что им следует участвовать в этом процессе.

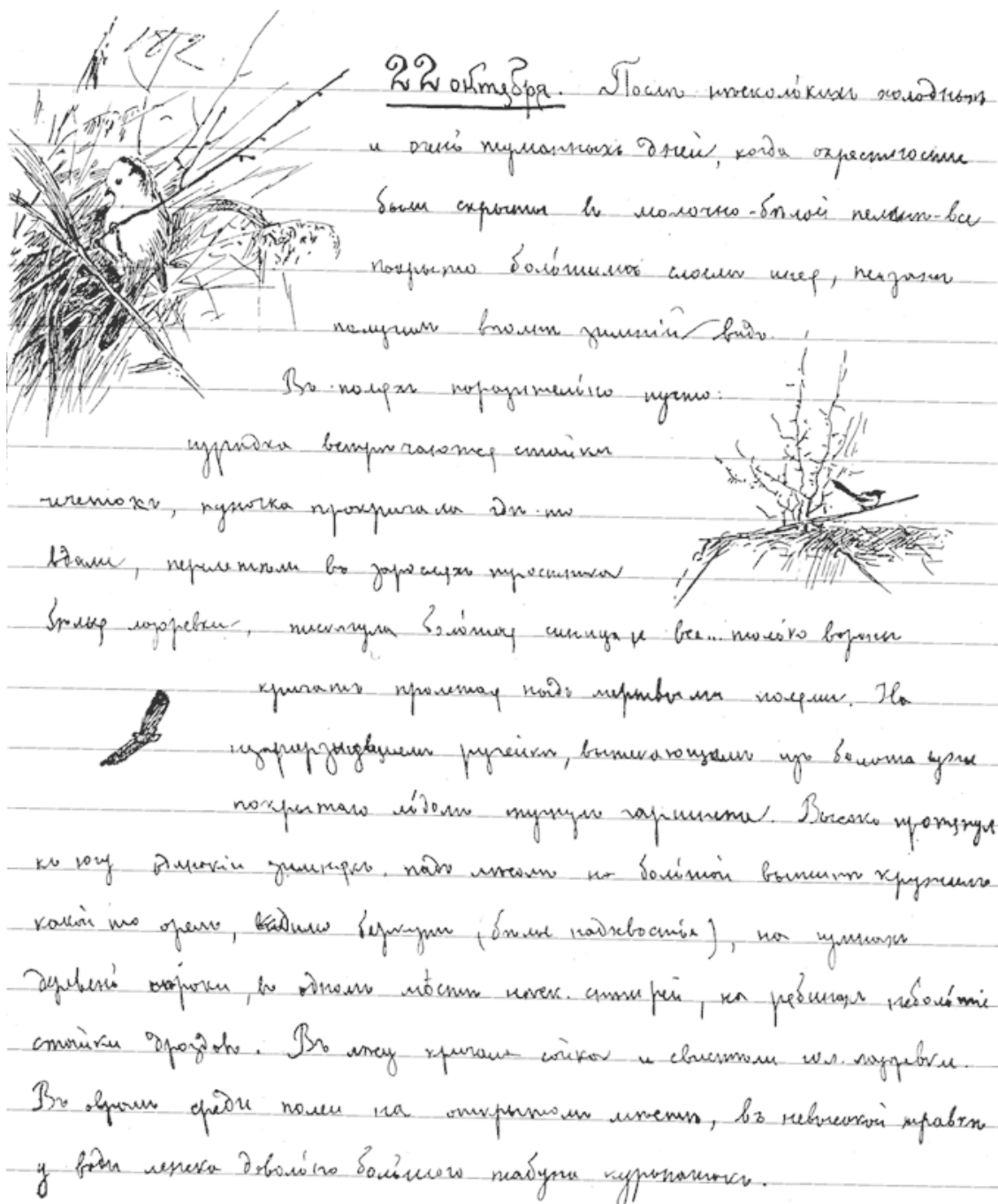
В Нижнем Новгороде с 1916 года находился в эвакуации Варшавский политехнический институт. 8 июля 1917 года Александр подал туда заявление о приеме⁴⁰. Конкурс был достаточно трудным: из 4000 подавших заявления отобрали всего 403 человека⁴¹. 30 июля 1917 года А.Н. Формозов обратился к директору института с новым заявлением: “Вследствие высокого конкурса я, имея средний балл 4, не попал по конкурсу в число студентов вверенного Вам Института. Дороговизна жизни и крайне ограниченные средства, которыми располагает моя семья, лишают меня возможности продолжать образование вне родного города, ввиду чего почтительнейше ходатайствую перед Вашим превосходительством о принятии меня на химическое или горное отделение Института как нижегородского уроженца”⁴². 10 сентября последовала резолюция о зачислении просителя на химическое отделение.

³⁹ Попов В.А. К семидесятилетию профессора Александра Николаевича Формозова // Зоологический журнал. 1969, т. XLVIII, вып. 5, с. 767.

⁴⁰ Нижегородский обл. архив. Ф. 2082, оп.2, ед. хр. 1684, л.3.

⁴¹ Горьковский политехнический. Очерк истории института. Горький. 1971. с. 5, 7.

⁴² Нижегородский обл. архив. Ф.2082, оп.2, ед. хр.1684, л.2.



Страница из дневника А.Н. Формозова 1917 г.

На I курсе Александр изучал математику, физику, неорганическую химию, начертательную геометрию, кристаллографию, геодезию, ботанику, основы технологии металлов, техническое черчение, рисование, топографическое черчение. Ботанику вел Михаил Семенович Цвет (1872–1919) – известный физиолог и биохимик растений⁴³.

Но нужно было не только заниматься, а позаботиться и о заработках, выбрав службу, хоть сколько-нибудь отвечающую душевным потребностям. Николай Елпидифорович болел все серьезнее. Уже давно он подчинил жизнь семьи строгой экономии, вкладывая деньги во всякие банковские бумаги в расчете накопить к старости некую сумму, бросить канцелярию и скромно, но спокойно провести последние годы на лоне природы. И вдруг все рухнуло.

⁴³ Абрашнев Е.М. Нижегородский период жизни и деятельности А.Н. Формозова (рукопись), с. 20–21.

Вместе с капиталами финансовых магнатов революция аннулировала жалкие сбережения мелкого чиновника. Потом и казенную палату ликвидировали. Бывшему надворному советнику помимо старости и болезней грозила настоящая нищета. 5 мая 1924 года он писал сыну в Москву: «ищу себе место службы, но пока ничего не наклеивается. Чувствуется отсутствие знакомства и связей в большевистском мире, без чего трудно получить сколько-нибудь подходящую должность. Большевички поговаривают, что, если де мы продержимся еще годика два – три, то никого из старых работников не останется, всех заменим своими. В области науки, конечно, это им не удастся, но в повседневной жизни это вполне возможно. Во избежание неприятных случайностей с партийными держу себя с достоинством, но мирно». Только незадолго до смерти Николай Елпидифорович устроился в нотариальной конторе. Елизавета Федоровна не могла сдерживать упреки. Обстановка в семье накалилась. Все члены ее должны были теперь вносить свою лепту в домашний бюджет.

Сразу по окончании гимназии, весной 1917 года отец нанялся старшим рабочим и практикантом в изыскательскую партию Министерства путей сообщения, совершавшую плавание на брандвахте № 34 по Сухоне и Северной Двине. Жизнь на великой реке подсказывала наиболее интересный вариант работы. 22 апреля Александр выехал пароходом в Ярославль, оттуда – поездом в Вологду и далее проплавал до 22 сентября в районе Великого Устюга. Назад вернулся поездом из Архангельска⁴⁴. Записи, сделанные на Камарницком, Красногорском, Аристовском, Пушкинском перекатах, в Приводине и Затоне, посвящены все тем же сюжетам: птицы у реки и звери в окрестных лесах. Рядом – зарисовки следов. Вокруг можно было увидеть тогда многое другое. Революция пришла и сюда, в северную глушь. Начинались продовольственные трудности. Наверное, не так легко давалось недавнему гимназисту матросское житье. Но обо всем этом нет ни слова. Все мысли сосредоточены на природе, животном мире. Он похож на знакомый средневолжский, но заметны и новые черты, северные, таежные.

В 1918 году Александр совмещал учебу с работой, участвовал в XVIII периодической выставке Нижегородского общества любителей искусств⁴⁵. О революционных событиях в дневниках по-прежнему ничего нет. А некоторые его сверстники и товарищи по гимназии активно включились в новую жизнь. Один из них, Федор Семенович Богородский (1895–1959) – небес-талантливый живописец – вступил в 1917 году в ряды РКП(б), в 1918–1920 годах состоял в ЧК, был комиссаром отряда волжских моряков. Уже в 1950-х годах А.Н. Формозов и Ф.С. Богородский очутились в одном самолете на пути за границу. Сидя рядышком, старики предались воспоминаниям. «А, правда, Федька, что ты нашего гимназического попа расстрелял?» – спрашивал Александр Николаевич. – «Да что ты, Сашка? Я-то его и спас. Его однажды хотели поставить к стенке, а я велел отпустить». «Бродягу-натуралиста» подобного рода деятельность не привлекала.

С 22 апреля по 25 сентября 1918 года он снова в плавании. Здесь на брандвахте № 56, курсировавшей между Костромой и Ярославлем, он был старшим рабочим и десятником, получая жалование 140 рублей плюс «доплату на дороговизну» – 190. А в октябре студента Формозова призвали в армию.

Это был едва ли не самый критический момент в Гражданской войне. К концу лета 1918 года три четверти территории страны находились в руках белых и интервентов. 2 сентября 1918 года Советская республика была объявлена военным лагерем. 30 октября создан Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В.И. Лениным. 26 ноября в «Постановлении ЦК РКП (б) об укреплении Южного фронта» (куда вскоре послали А.Н. Формозова), подписанном

⁴⁴ Ряд читателей заметил противоречие: с 22 апреля по 22 сентября 1917 года А.Н. Формозов плавал по Северной Двине, а 8 и 30 июля писал заявления в Нижнем Новгороде. В дневниках нет ни слова о приездах в Нижний в июле. Видимо, документы подавались письменно.

⁴⁵ Каталог XVIII периодической художественной выставки Нижегородского общества любителей искусств. Нижний Новгород. 1918. Цит. по кн.: Выставки советского изобразительного искусства. М., 1965, т. 1, с. 24.

Я.М. Свердловым, говорилось: “Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию, в особенности на Южном фронте. Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте – не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным”⁴⁶. Было решено, что к началу 1919 года Красная Армия достигнет численности в полтора миллиона человек. Мобилизовывались все родившиеся в 1889–1900 годах.

В общий поток попал и Александр Формозов. Демобилизовался он в мае 1920 года. Таким образом, около двух лет его жизни падают на участие в Гражданской войне. Казалось бы, об этом ярком периоде в биографии отца мне надо бы знать многое. Как все мальчишки тридцатых годов, я играл в Чапаева, в красных и белых. Отец в ту пору более, чем когда-либо, чувствовал себя человеком революционной формации и благосклонно наблюдал за играми во дворе. Мы распевали с ним: “Боевые ночи Спасска, Волочаевские дни”, “И с нами Ворошилов – первый красный офицер”, “С неба полуденного жара – не подступи, а конница Буденного рассыпалась в степи” и т. д. Тут-то вроде бы и рассказать сыну о борьбе с белоказаками, о своих приключениях на фронте. Но рассказов не было или почти не было. Я бы их запомнил, конечно.

Запомнилось же другое. Мы едем в метро. Напротив нас сидит военный с несколькими шпалами в петлице. Я гляжу на него с любопытством, и он почему-то смотрит на нас чересчур пристально. Мы выходим, и отец говорит: “Ты заметил командира? Мы с ним воевали на Южном фронте”. – “Отчего же ты не подошел к нему?” – “Это ненужно”. Года три спустя; студенческая практика 1940 года на Звенигородской биологической станции. Вместе с преподавателями живут их дети, бегают по лесу, болтают о разных разностях. Я хвастаюсь: “А мой папа на Гражданской войне был. Его белоказаки в плен брали”. Вечером отец отчитывает меня: “Не надо об этом рассказывать. То, что я был в плену, никому знать не следует”: И он был прав тогда, еще до войны. Когда в конце сороковых годов над ним сгустились тучи, какие-то биофаковские деятели вспомнили-таки, что Формозов побывал в плену у белых, и чем там занимался, неизвестно.

Почему же человек, умевший и любивший делиться с окружающими всякими впечатлениями, не хотел приоткрыть эту страницу своей жизни? Шли тридцатые годы. Ряд военачальников был объявлен врагами народа, в том числе и командарм И.П. Уборевич, в штабе которого служил одно время Александр Николаевич. Создавалась сталинистская легенда об обороне Царицына как решающем событии, определившем победу советской власти. То, что приходилось читать в газетах, очень отличалось от оставшегося в памяти. Участие в войне было скромным. Студента Политехникума направили чертежником сперва в инженерное подразделение, а позже – в штаб. Искусственно романтизировать пережитое (“нас водила молодость в сабельный поход”) отец органически не мог.

Но была и более глубокая причина. Как-то он обмолвился: “я видел много жестокостей. При мне заporоли шомполами человека, а оркестр играл “Ах вы сени, мои сени”. В другой раз с чувством повторял строку Ахматовой: “любит, любит кровушку русская земля”. Пребывание на фронте было для него не героическим периодом жизни, а тем, к чему лучше не возвращаться даже в разговоре с близкими, настолько это тяжело и страшно.

К концу пятидесятых – шестидесятым годам острота несколько сгладилась, да и ситуация изменилась. Он кое-что рассказал младшим детям, но не слишком много. Коля записал в

⁴⁶ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов. М., 1960, т. 1, с. 466.

1989 году то, что запомнилось⁴⁷. Когда А.И. Солженицын просил присылать ему воспоминания о гражданской войне на юге, семья убеждала Александра Николаевича использовать магнитофон, чтобы сохранить для потомства наиболее характерные эпизоды. Он отказался, хотя чтил писателя.



Дрофа. Рис. А.Н. Формозова.

Дневник военных лет погиб во время плена и болезни. Весною 1920 года отец попытался восстановить основное, не забывшееся даже в самой трудной обстановке. Эти записи занимают всего пять с половиной страниц на машинке и, как и прежде, посвящены исключительно зверям и птицам. Он был в новом для себя краю, в степной полосе, видел дроф, сусликов. Это было интересно. Исходя из этого конспекта, обрывков рассказов и материалов по истории гражданской войны, я попробую схематически наметить путь, пройденный за полтора года двадцатилетним красноармейцем Формозовым.

Вначале он отбывал службу на родине. В нижегородском дневнике есть записи от 16 и 17 ноября и 8 и 16 декабря 1918 года. Недавнего студента сделали чертежником. “Сижу, согнувшись над грудой чертежей, планов, схем. Онемевшие, запачканные разноцветной тушью пальцы машинально водят рейсфедером, и бегут из-под него то тоненькие ровные линии, то прерывистый пунктир, быстро строятся на бумаге профили и планы построек, окопов, а мысли – свободные птицы – унеслись далеко-далеко, в поля, туда, где в былинниках таятся русаки и где сейчас, тихо ступая в больших мокрых валенках, крадется, озираясь, какой-нибудь

⁴⁷ Формозов Н.А. Русский натуралист на Гражданской войне (новые сведения из биографии А.Н. Формозова) // Охотничьи Просторы. М. 1998. кн.1, с. 202–226.

рослый бородатый дядила, сжимая в руках неуклюжую, но хлесткую шомполовку. Как далеко ушла от меня счастливая вольная жизнь полей, жизнь, наполненная приключениями, походами, переходами, пробегами – милая охотничья жизнь! Каждый день семь часов отсидеть и, погрузившись в кипу бумаг, кальки, восковки и множество прочих чертежных материалов, пачкаться в чертежах и красках. Семь часов, семь лучших часов дня!” (Д. 16-XI-1918). Впрочем, после ночных дежурств дают отгул, и Александр использует его не для сна и отдыха, а для традиционных вылазок за город.

Видимо, где-то около нового года мобилизованных отправили в Москву. В те дни революция открыла перед народом двери театров, для красноармейцев спектакли были бесплатными. И из каких-то казарм на окраине Александр ходил пешком через весь город в Большой театр слушать оперы. С тех пор он помнил многие сцены и арии. Не знаю, бывал ли он в Москве в гимназические годы. Возможно, это было его первое знакомство с городом, где в дальнейшем он прожил полвека.

В начале 1919 года Формозов оказался на Южном фронте. Позднее он записал свои наблюдения над хохлатыми жаворонками в феврале месяце у села Репное под Балашовым. Здесь стояла 9 армия. В мае часть перебросили в занятую красными в феврале 1919 года колонию немцев-гернгутеров Сарепту⁴⁸. Тут создавалась линия укреплений, защищавшая Царицын с южной стороны.

Уцелело единственное письмо Александра к Николаю Елпидифоровичу времен гражданской войны. Послано оно 22 мая 1919 года и хорошо передает настроение отправителя; “Второй день как обретаюсь в колонии Сарепта в уютном домике немца Гауна. Прокатили поперек через большую часть казачьих владений. Что за места! Без границ, без конца ширятся кругом равнины, то бархатно-черные только что вспаханные, то изумрудно-зеленые под пастбищами, и то тут, то там крохотными точками темнеют на них стада. Трудно вообразить всю ширину и необъятность степей, живя в нашей овражистой и пересеченной местности. Расстояния здесь как-то скрадываются, глаз видит далеко-далеко и так хорошо потонуть в беспредельной равнине, синеющей и дрожащей от теплого воздуха... И так странно, что среди этих тихих степей, за этими тополями и цветущими грушами, везде и всюду затаилась ненависть. Так нелепо выглядят эти бесконечные окопы для стрелков вдоль пути, эти обгорелые полурассыпавшиеся печи и трубы сожженных полустанков, покосившиеся столбы с обрывками телеграфной проволоки, проволочные заграждения и вереницы валяющихся изогнутых дугами рельсов (казаки гнули их на волах). Вот она война, вот ее страшная рожа! Здесь вот перед станцией лежали они и таились – черные, загорелые, в красных фуражках, с красными лампасами, бились, цеплялись за каждый бугорок, за каждую рытвину на этой плоской равнине, бились, стреляли и затем отступали, свирепея все больше и больше, бросив на произвол судьбы и станицы, и поля необрушенных подсолнечников, и жен, и ребят, и весь домашний скarb... Приехали в Сарепту... Город сам хоть и цел, но зато окрестности все изрыты окопами, избиты снарядами, всюду валяются трупы лошадей, а местами выглядывают разможенные черепа и обглоданные ноги плохо зарытых “павших в борьбе роковой”. И не узнаешь в этих мослах, кто это был – черная кость или белая! Брожу по этим местам, где четыре дня шел бой, смотрю на неразорвавшиеся снаряды, и нос мой морщится, слыша как чудный запах цветущего терновника мешается с запахом разложившихся трупов. Таково на холмах и у железной дороги, а выйдешь в степь – тишина, покой и смирение этой невозмутимой ничем природы сразу как-то успокаивают. Волнуются по ветру ковыли, сладко пахнет мелкой степной полынью, далеко-далеко уходят светлосерые скаты, и суслики, свиснув задорно и звонко, скрываются в норки, завидев этого странного пешего человека. Так свистели они, когда вольные дети степей – скифы – проходили вереницей со стадами, так же прятались они, видя полки Игоря, шедшие “испытать Дону

⁴⁸ Южный фронт. Март 1918 – март 1919. Ростов-на-Дону, 1962, с. 358.

Великого”, так свистят они и теперь, слыша пушечную стрельбу и топот казачьих коней. Ушли с лица земли скифы, оставив вон там далеко плоскую вышку кургана, сгинули полки Игоря, уйдем и мы, а степь все так же будет зеленеть, так же сладко будет пахнуть полынью, и суслики, завидя степного сарыча, все с тем же свистом разбегутся по норкам”. Обратный адрес письма: “ХП военно-полевое строительство республики, чертежнику А.Ф.” До весны 1919 года перевес сил на Южном фронте был на стороне красных: 125000 человек против 50–60 тысяч донских казаков. В январе – марте 8-я и 9-я армии красных наступали в направлении к Северскому Донцу. 16 января был взят Новохоперск, 9 февраля – Усть-Медведицкая. Труднее приходилось 10 армии под Царицыным. Она в основном оборонялась от натиска войск атамана П.Н. Краснова. Все же до мая инициатива и здесь принадлежала “советам”. Намечалось наступление и на этом участке. Но вскоре обстановка изменилась. А.И. Деникин разгромил в Предкавказье 11-ю армию красных и вышел к Астрахани. Краснов подчинился Деникину. Белые двинулись на Донбасс, нанося удары по 8, 9, 10, 13-й армиям. 14 марта началось казачье восстание в Вешенской, знакомое нам по “Тихому Дону”. Деникин победно шел по Югу. 24 июня пал Харьков.

Хотя красные сохраняли численное превосходство (у них было 122000 человек, а у Деникина 110000), положение их становилось критическим. Сказывалось озлобление местного населения против проводившейся большевиками с января 1919 года политики “раскасаживания”, вызвавшей уничтожение тысяч людей. Важную роль сыграл и перевес в кавалерии на стороне белых (13000 сабель против 6500 у красных). Особенно активно действовал Донской кавалерийский корпус генерала К.К. Мамонтова, насчитывавший 9000 сабель и штыков, не раз прорывавший фронт красных и совершавший опустошительные рейды по их тылам⁴⁹.

В автобиографии А.Н. Формозова упомянуто об участии в боях под Жутовым и Арчедой. Вероятно, это было в июне, когда около Царицына развернулось сражение с подошедшими с Кавказа войсками генерала П.Н. Врангеля. 30 июня город пал. В июле-августе в районе станций Филоново и Алексиково между Балашовым и оставленным Царицыным отец записывал наблюдения над степными пеструшками.

А потом Александр Николаевич попал в плен. Произошло это на станции Лог, к северо-западу от Царицына, там, где Дон и Волга ближе всего подходят друг к другу. Часть, расположенная в эшелоне, попала в плен после короткого боя вместе с двумя бронепоездами. Запомнились отдельные детали из рассказов отца об этом событии: как он спрятал револьвер в щель стены глинобитной хаты, как окружившие красноармейцев чубатые всадники предложили им закурить. Все казалось таким мирным, но тут подъехали другие – штабные и раздался приказ: “Жида, латыши и коммунисты – шаг вперед”. Никто не вышел, и штабной, ходя вдоль строя, тыкал пальцем: “Жид..., жид..., жид”. Отобранных таким образом товарищей повесили на телеграфных проводах. Среди казненных был еврей-виолончелист, с которым отец познакомился еще в московских казармах. Остальных построили и погнали пешком в тыл. Отстававших пристреливали, и на седлах у казаков росли груды вещей, снятых с убитых, у Александра в фуражке были зашиты топографические карты. Он отдал их нескольким спутникам, решившим бежать. Один из них – рыжеволосый большевик – встретился отцу уже после освобождения из плена и помог ему устроиться в штабе Уборевича. Вероятно, об этом крестном пути в дневнике сказано: “прошел походным порядком от ст. Усть-Медведицкой до ст. Нижнечирской, но видел мало. Все степи и степи, то волнующиеся морем зеленой пшеницы, то серовато-голубоватые от зарослей полыни”.

Когда это случилось? В “Истории Гражданской войны в СССР” отмечены прорывы Мамонтова 16–19 июля у Царицына, 10 августа около Новохоперска и 19 сентября между Кур-

⁴⁹ Изложение событий дано по кн.: История гражданской войны в СССР, М., 1957, т.3, с. 340–343; 1959, т.4, с. 69–72, 174–181, 216–227, 258–300; Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931; Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. М., 1961; Гордеев А.А. История казаков, М., 1993.

ском и Воронежем. Видимо, для Формозова плен начался в августе (хотя в одном из его жизнеописаний есть дата – 6 июля). В автобиографиях А.Н. Формозова и в основанном на них очерке А.А. Насимовича говорится, что пленных угнали на Донец. Но из дневника военных лет видно, что это не так. Туда занесены отдельные наблюдения – сентябрьские над дрофами на Дону, скорее всего того же месяца над золотистыми шурками у Нижне-Чирской и октябрьские и ноябрьские у станиц Бурацкой, Зотовской, Аржановской и Акишевской (хутор Зрянина) на Хопре. Это означает, что пленных сперва отвели от линии фронта на юг, а потом, после успешного наступления белых, направили на север. Младшим детям отец рассказывал, что, разоружив и рассредоточив пленных по разным частям, казаки использовали их на вспомогательных работах. Александру дали лошадь, но не оружие.

Продвижение белых на север продолжалось. Правда, в начале августа напор доброармии удалось остановить. Красные на время перехватили инициативу, и 10 сентября Буденный достиг Усть-Медведицкой. Но новый прорыв Мамонтова опрокинул все планы. 12 сентября Деникин торжественно провозгласил поход на Москву и на этот раз подошел к ней совсем близко. 13 октября пал Орел. Лишь в конце октября большевики добились перелома, и деникинская добровольческая армия покатила на юг к полному своему крушению.

Среди отступавших свирепствовал тиф. Три тяжелых приступа перенес и Александр Николаевич. Сперва он старался не отстать от колонны, но быстро обессилел и был брошен вместе с другими больными, мертвыми и умирающими в разбитом здании железнодорожной станции Устье Белой Калитвы на Северском Донце. Мучаясь от жара, он снял с себя гимнастерку и положил под голову. Когда проснулся, увидел, что гимнастерку украли, а с ней и все деньги и документы. Тогда он обратился к окружающим: “братцы, неужели мы друг у друга красть будем?” Гимнастерку с документами подкинули, а деньги собрали в фуражку.

Медицинской помощи не было никакой. Еды тоже не было. Оставалось или лежать и ждать смерти или ценой крайнего напряжения сделать попытку спастись – уйти со станции, найти людей, которые помогут и накормят. В жару с затуманенной головой отец вышел в степь и побрел наугад по какой-то дороге. Было уже холодно (вероятно – декабрь). Если упадешь – наверняка замерзнешь. И он шел и шел, пока вдали, уже на рассвете, не закричали петухи. То был хутор Кочевань станицы Екатерининской. Пленный тифозный красноармеец переступил порог хаты донских казаков, выбрав самую бедную. И совершилось чудо: одни из тех, кто восстал против новой власти с ее дикой политикой “рассказачивания”, приняли, накормили и приютили больного. Всю зиму он прожил на хуторе, выздоровел, дождался прихода своих.

Я знаю имена людей, спасших отца: Федор Иванович Губарев и жена его сына Анна Яковлевна. Вернувшись на родину, и вскоре после переезда в Москву Александр Николаевич переписывался с ними. Потом перестал. В его архиве я нашел трогательное полуграмотное послание “начальнику Московского университета”. Федор Иванович просил сообщить, что случилось с Александром Формозовым, поступившим, как он слышал, туда учиться, и приводил свой адрес, – может быть, новый – хутор Синегорский станицы Екатерининской. Ответил отец или нет – неизвестно. Письмо он во всяком случае сохранил. В тридцатые и сороковые годы Губаревым он определенно не писал. Как сложилась судьба казачьей семьи в период коллективизации, можно только гадать. В 1949–1950-м годах экспедиция А.Н. Формозова по степным лесопосадкам работала недалеко от Белой Калитвы, и В.И. Осмоловская уговаривала его поискать старых знакомых. Он не захотел. Повторялось то же, что было с Покровским и Нижним Новгородом.

Как бы гостеприимны ни были Губаревы, а зимовать приходилось в тылу у белых. Но красные день ото дня приближались. 5–13 ноября они уже на Хопре, 7 декабря – в Вешенской. 25 занят Донбасс, 7 января 1920 года – Новочеркасск, 10 – Ростов-на-Дону. В марте развернулась победоносная Егорлыкская операция. В район Екатерининской красные пришли между

25 декабря 1919 и 2 января 1920 года⁵⁰. Но и белые сопротивлялись, организовав в декабре 1919 года контрнаступление на участке от устья Хопра до устья Медведицы.

Глухо доходили сведения об этих превратностях судьбы до занесенного снегом маленького степного хутора. Сперва больной был без сознания. В бреду его даже привязывали к кровати. Потом полегчало. Отец вспоминал, как приходили в хату девушки, пели казачьи песни. Поправившись, он стал рисовать. Мельник заказал ему изображение своей мельницы и дал за него мешок муки. Будущее казалось туманным. Александр бродил по окрестностям, возобновил записи о жизни встречавшихся ему птиц и зверей («в конце января видел самца тростниковой овсянки»).

Где-то весной он покинул Кочевань. Его назначили в 143-ю стрелковую дивизию, но тут же для проверки отправили в тюрьму (за февраль – март в дневнике нет ни одной записи). В итоге это оказалось благом. Подразделение, куда его сначала направили, погибло в боях. Выйдя и из этого испытания, отец присоединился к направлявшимся на фронт частям. Вместе с ними он двинулся на Кавказ в роли чертежника оперативного отдела штаба 9-й армии. Есть записи его апрельских наблюдений в районе Ростова-на-Дону и Екатеринодара.

В Екатеринодар 9-я армия, которой в марте – апреле 1920 года командовал двадцатичетырехлетний Иероним Петрович Уборевич (1896–1937), вошла 17 марта. Перед этим 20 февраля Деникин предпринял последнюю попытку перейти в контрнаступление, но она была сорвана. 27 марта красные заняли Новороссийск, 8 апреля – Туапсе, 29 апреля – Сочи, 2 мая 1920 года Кубанское казачье войско капитулировало. В том же месяце Уборевич был переброшен на польский фронт. Тогда же демобилизовался и А.Н. Формозов. Я не слышал от него, что в дни гражданской войны он бывал в Туапсе или Сочи. Когда он писал в своей автобиографии о демобилизации после выхода 9 армии к Черному морю, он скорее всего не имел в виду лично себя, а говорил об общем положении дел. С фронта Формозов был отозван как работник отдела речных наблюдательных станций управления водного транспорта Волжского бассейна Нижегородского совнархоза по отношению отдела от 2 мая 1920 года. При демобилизации выдали хорошее английское обмундирование, но по дороге его украли.

Запись о куропатках, замеченных 10 мая 1920 года у хутора Кочевань, показывает, что по пути домой Александр Николаевич заехал к своим спасителям. К лету 1920 года он был уже на родине, а 1 июля отправился в очередной рейс на брандвахте. Она спускалась вниз по Волге – к Сызрани, Вольску, Хвалынску, Саратову. В дневнике, как всегда заполненном данными о животных, прорываются признания, что команда голодает. Вся надежда на рыбную ловлю или удачную охоту. Плавание длилось более пяти месяцев. В Нижний вернулись 5 декабря. Важным результатом поездки была привезенная с низовьев Волги соль. Ее можно было обменивать на продукты, поддерживая бедствующую семью.

Война для А.Н. Формозова закончилась. Виделся конец ее и для всей страны. Начиналась новая жизнь. Нужно было думать, как найти в ней свое место.

⁵⁰ Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск... С. 157.

Студенческие годы (1920–1925)

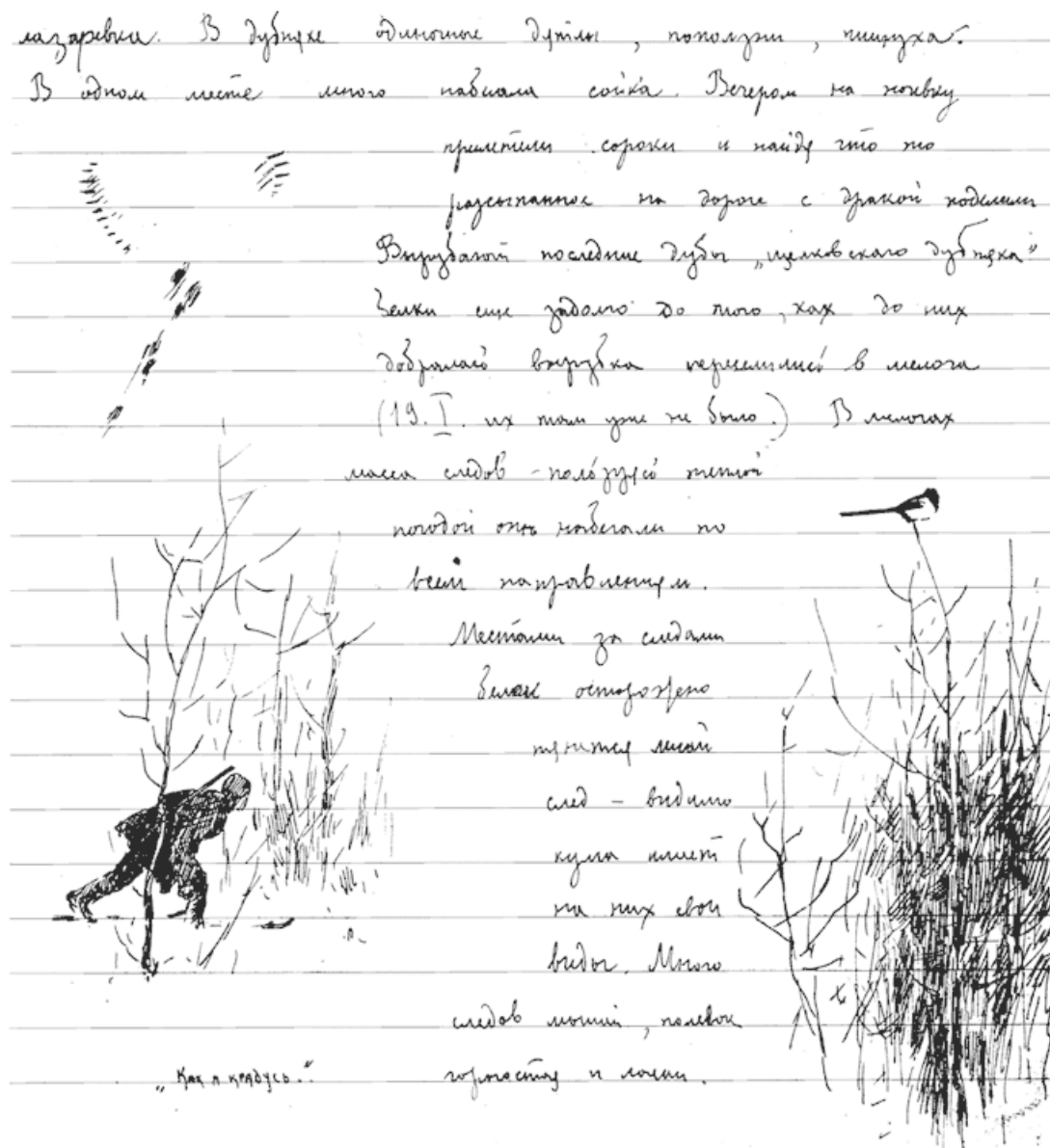
25 июня 1918 года на базе ликвидированного Политехнического института в Нижнем Новгороде был создан университет. После демобилизации А.Н. Формозов продолжил там свое обучение, выбрав, конечно, биологический факультет. В 1921 году факультет был закрыт, и отец уехал в Москву. С тех пор он бывал на родине лишь наездами.

До осени 1922 года Александр выполнял обязанности техника-топографа в отделе речных наблюдательных станций. Возобновились его экскурсии в окрестностях города, по-прежнему велись дневники. На дневнике 1921–1922 годов поставлен эпитафия – слова К.Ф. Рулье, которые впоследствии профессор Формозов часто повторял своим ученикам: “Приляг к лужице, изучи подробно существа – растения и животных, ее населяющих, в постепенном развитии и взаимно непрестанно перекрещивающихся отношениях организации и образа жизни, и ты для науки сделаешь несравненно более, нежели многие путешественники”⁵¹. Уроженец Нижнего Новгорода профессор Московского университета Карл Францевич Рулье (1814–1858), о чьих лекциях восторженно писал Герцен, стоит у истоков отечественной экологии. Александр Николаевич считал его своим научным прадедом, а дедом – Николая Алексеевича Северцова. Обоим он посвятил содержательные очерки.

У молодого Нижегородского университета не было ни сильного преподавательского состава, ни хорошего оборудования. Тем не менее, занятия шли по положенной программе. На пароходе “Горный инженер Белямин” проводилась летняя практика, студенты изучали рыб и планктон. Однокурсники отца Е.Я. Шапошникова и Л.А. Самойлович рассказывали Е.М. Абрашневой, что он выделялся среди студентов по уровню своих знаний, много времени проводил в университете, выступал там на кружке “Зоологические вечера”, много работал в Естественно-историческом музее. Пароход для практики достал якобы именно он, пользуясь старыми связями с водниками. С 26 января по 24 марта 1921 года он входил в курсовой студенческий комитет. Вышел из него по собственному желанию⁵².

⁵¹ Рулье К.Ф. Жизнь животных по отношению ко внешним условиям. М., 1862, с. 118.

⁵² Нижегородский обл. архив. Ф. 377, оп. 1, ед. хр. 810, л. 52, 127; Абрашнев Е.М. Нижегородский период жизни и деятельности А.Н. Формозова (рукопись). С. 28–30.



Страница из дневника А.Н. Формозова 1921 г.

Все же чаще Александр Николаевич совершал вылазки в природу один. В октябре 1921 года он отправился в командировку от Естественного-исторического музея Нижегородской губернии для исследования сибирской фауны хвойных лесов Керженца и его притоков. Время было уже позднее. В основном пришлось ограничиться расспросами охотников. Тогда отец добрался до знаменитого Оленевого скита, описанного Мельниковым-Печерским, где застал старух, помнивших этого «гонителя и зорителя» старообрядцев. Что касается расспросов у крестьян, то этим Александр Николаевич не пренебрегал и в дальнейшем, в зрелые годы. Его ученик В.В. Груздев в письме ко мне от 16 апреля 1981 года отмечал свойственное учителю «глубочайшее уважение и любовь к... массе людей, работающих в природе. Это и крестьяне, и охотники-промысловики, и пастухи, в общем все, кто добывает свой хлеб, находясь в тесном общении с природой. В А.Н. жило глубокое убеждение в том, что, общаясь с природой, эти люди не могут не замечать, не запоминать много интересных и ценных для науки явлений. Поэтому натуралист не должен полагаться только на себя, но обязан изыскивать способы использования этого источника – народного опыта, народных наблюдений, А.Н. был лишен

академического высокомерия, он умел слушать и уважать слова и мнения любого человека, на любом ранге общественном. Он этому всегда учил и нас”.

В феврале 1922 года Формозов вновь был на Керженце, на этот раз вместе с Г.Д. Шапошниковым. Братья Шапошниковы – Георгий (1902–1963) и Федор (1909–1973) Дмитриевичи, такие же, как Александр, страстные охотники и любители природы, кончали не гимназию, а реальное училище, и потому знакомство с ними состоялось только в двадцатые годы. Друзья нередко ездили на охоту. Весеннее путешествие в Заволжье на глухариные тока с Георгием – “Зорькой” Шапошниковым нашло отражение в “Шести днях в лесах”. В дальнейшем Георгий Дмитриевич стал инженером авиационной промышленности, а Федор Дмитриевич – ученым-зоологом. В 1960-х годах он преподавал в Тюменском пединституте, Александр Николаевич регулярно с ним переписывался, навещал его в Тюмени, ездил с ним по Оби.

Со временем учебы в Нижегородском Университете связаны и первые выступления А.Н. Формозова в печати. Это заметки “К биологии *Rana esculenta*”, “Залет фламинго в Нижегородскую губернию”, “Некоторые сведения о водных млекопитающих реки Керженца”. Они появились в 1922–1923 годах в “Русском гидробиологическом журнале”, выходившем в Саратове под редакцией профессора Арвида Либорьевича Бенинга (1890–1943). Побывав в Нижнем Новгороде, он познакомился с увлеченным зоологией студентом и заказал ему эти статьи. Они основаны на собственных наблюдениях.

Когда в 1945 году еще школьником я напечатал в Казахстане сообщение о своих археологических находках, отец внушал мне, что я поторопился, ибо в науку надо входить со зрелыми выношенными работами. Он был совершенно прав, да и мои ученические сочинения гораздо хуже, чем его. Но он забыл, вероятно, как сладостно в юном возрасте почувствовать себя “настоящим автором”, увидеть свои писания набранными типографски. Прекрасно, если чьи-то первые публикации оказываются нужными многим читателям, но иногда важно помочь начинающему напечатать какую-нибудь мелочь, важно не для других, а для него самого. Это даст ему веру в себя, направление на долгие годы вперед, будет вехой в его биографии.

Первая заметка отца занимает всего полстранички и излагает единичный факт: на его глазах 20 августа 1920 года в Макарьевском уезде лягушка проглотила маленькую птичку – камышевку. Третья статья солидней и по объему и по материалу. В ней уже целая серия наблюдений, итог двух поездок на Керженец⁵³.

В начале 1923 года вышло и первое научно-художественное произведение А.Н. Формозова – “К наступающей весне”. Оно увидело свет в нижегородском журнале “Охотник” – одном из тех эфемерных изданий, что возникали тогда повсеместно в годы нэпа. В другом номере этого журнала мы найдем стихотворение Н. Зарудина “На Волжских горах” с посвящением “А.Н. Формозову”:

За перелесками овражьи
Сорочий стрекот по садам.
С ружьем почти что утро каждое
Иду к соломенным буграм.
Мой хрусткий шаг жнитвою колкою
Так осторожен в тишине.
Просторно вскинется двустволка
По черной заячьей спине...⁵⁴

⁵³ Наиболее полный список публикаций А.Н. Формозова приложен к его книге “Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания” (М., 1976, с. 295–307). Дополнения см.: Формозов А.А. Александр Николаевич Формозов. М., 1980, с. 150.

⁵⁴ Охотник, 1924, № 1, с. 20. Перепечатано в кн.: Зарудин Н. Полям-юношью. М., 1970, с. 79.

Как видим, два послевоенных нижегородских года не были пустыми. Но юноше, равшемуся к знаниям, становилось тесно в провинции. Он съездил в Муром на Окскую биологическую станцию Московского университета и записал в своем дневнике, что вернулся с верой в молодые силы России (Д. 10-X, 1921). С 1921 года он переписывался с А.Л. Бенингом и С.И. Огнёвым, посылал им свои фаунистические сборы. Сохранились их благодарственные письма. Огнёв уже слышал тогда о рисунках Формозова. С января 1922 года он “заялся изучением зимней жизни большого пестрого дятла по программе, предложенной кружком юных натуралистов биологической станции в Сокольниках под Москвой” (Д. 25-I 1922). С автором этой программы, пионером кольцевания птиц в СССР Николаем Ивановичем Дергуновым (1898–1928) также велась переписка.



Галки. Рисунок из дневника А.Н. Формозова 1922 г.

19 октября 1921 года Биологический факультет в Нижнем Новгороде был преобразован в Медицинский. Александр Николаевич проучился там еще год на Биологическом отделении, а потом уехал в Москву (договариваться о переводе в Московский университет он ездил в марте 1922 года). Решение вроде бы естественное, но при том достаточно смелое. В столице не было ни близких родных, ни знакомых, ни жилья, ни заработков. Были зато молодость, здоровье, уверенность в своих возможностях.

И действительно, все устроилось, прежде всего со службой. Формозов пришел в Дарвиновский музей, созданный в 1907 году при Высших женских курсах, а в 1922 как раз превратившийся в самостоятельное учреждение, и предложил свои услуги в качестве художника и таксидермиста. Его взяли в штат и – более того – директор и основатель музея Александр Федо-

рович Котс (1880–1964) – разрешил ему прямо там и поселиться. Год спустя Котс помог напечатать “Шесть дней в лесах”. Александр Николаевич никогда не забывал об этом, но принимал Котса, наравне с другими кабинетными, а не полевыми биологами, не очень всерьез. Посмеивался над его легковесной брошюрой о мыслящих лошадях (при проверке выяснилось, что это шарлатанство). Так или иначе и Котс, и Дарвиновский музей позволили моему отцу быстро закрепиться в Москве. Числился он ассистентом-инструктором по отделу монтировки биологических препаратов и коллекций в выставочных залах и получал 20 рублей в месяц.

В музее, где он проработал до 1925 года, вплоть до 1980-х годов висели его акварели “Барсук”, “Хорь”, “Лиса” и были выставлены сделанные им тушки и чучела. В фондах хранятся выполненные им серии акварелей и рисунков пером по темам: “Переселение белок”, “Переселение леммингов”, “Перелеты и гнездовья птиц”, “Вороны и ракушки”, “Постепенное занятие норы различными животными”, “Поющие птицы”⁵⁵. Оформляя экспозицию, он смог кое-чему научиться у лучших наших художников-анималистов Василия Алексеевича Ватагина (1883–1963) и Алексея Никаноровича Комарова (1879–1977). Подаренные ими картины украшали его комнату несколько десятилетий. С Ватагиным подружились и семьями, жили вместе лето 1931 года на даче в Тарусе.

Интересным человеком был и художник Михаил Дмитриевич Езучевский (1880–1928). В молодости он бывал в Париже, в первую мировую войну перенес немецкий плен, а работал в основном пастелью, создав ряд выразительных картин, отражающих историю биологии (например, “Наполеон и Ламарк”). От Езучевского отец узнал многое о культуре прошлого, с его помощью овладел техникой пастели, по его совету взял эпиграф из А.К. Толстого к своей книге “Шесть дней в лесах”.

Но главное было, конечно, не в музее, а университете. Биологический факультет еще не выделился. Существовало Естественное (с 1923 года Биологическое) отделение Физико-математического факультета. Туда и поступил Александр Формозов. Прежде всего он обратился, видимо, к Сергею Ивановичу Огнёву (1886–1951). Его книгу “Жизнь леса” он знал с детства, а в дальнейшем переписывался с ним. Огнёв был молодым преподавателем (с 1920 года), даже еще не доцентом (став им в 1926 году), но считался уже восходящей звездой в зоологии. На вечере памяти Александра Николаевича его однокурсник профессор В.Г. Гептнер вспоминал, как Огнёв сказал однажды своим студентам: “Ко мне приходил сегодня интереснейший парень”. Это был Формозов. Едва приехав в Москву, он принес столичному ученому свои дневники, зарисовки, сообщил ему о некоторых наблюдениях в Поволжье.

Огнёв согласился руководить новым студентом, опекал его и в аспирантуре. Ряд лет отношения их ничем не омрачались. В одной из первых публикаций отца выражается благодарность “дорогому учителю”⁵⁶. Тот в свою очередь высказывал в печати в 1928 году признательность “моему другу А.Н. Формозову” за иллюстрации к книге “Звери Восточной Европы и Северной Азии”⁵⁷. В тридцатых годах слова “дорогой учитель” отец произносил только с ироническим оттенком. Как нередко бывает, пути наставника и ученика разошлись.

Сергей Иванович был человеком суховатым, методичным. Хотя он проявил себя и как популяризатор, и как полевой зоолог, в зрелые годы он тяготел больше к кабинетной работе с чучелами, тушками и скелетами, сосредоточившись на описании новых видов и подвидов животных, на их классификации. В этой области он и оставил самый значительный след в науке, подготовив семь томов монументального труда “Звери Восточной Европы и Северной Азии” (переименованного позже в “Звери СССР и прилегающих стран”, 1928–1950). Это

⁵⁵ Удальцова В.А. Художники Дарвиновского музея. Труды государственного Дарвиновского музея. М. 1997, С. 126, 127; Формозов А.Н. Графика. Каталог коллекции государственного Дарвиновского музея. М., 2004.

⁵⁶ Формозов А.Н. Заметки о млекопитающих Северного Кавказа. // Ученые записки Северо-Кавказского института краеведения. Владикавказ. 1926, т. 1, с. 73.

⁵⁷ Огнёв С.И. Звери Восточной Европы и Северной Азии. М., 1928, т. 1, с. 4.

направление биологии – систематика, фаунистика не было чуждо Александру Николаевичу. Он и сам внес определенный вклад в эти дисциплины, но сердце его лежало к иной деятельности, к непосредственному общению с природой, к расшифровке связей животного мира с растительностью, почвой, ландшафтом. Отход от Огнёва и его серьезной, но мертвой науки был неизбежен. Два десятилетия спустя отец записал в дневнике впечатления от юбилейного доклада Огнёва “Успехи зоологии в СССР за 25 лет”: “С.И., как всегда, узок и не способен правильно охватить и оценить явления вне своего мирка систематики” (Д. 11-ХІ-1942). Но еще через двадцать лет А.Н. Формозов помянул добром давнего учителя, тогда уже покойного, в предисловии к переизданию его “Жизни леса” и в выступлении на заседании, посвященном десятилетию со дня смерти ученого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.